

Графика и физиология звуков современного зырянского языка.

(Глава из будущей научной книги грамматики).

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

Постановка вопроса. Определение графики, физиологии звуков и фонетики; их взаимоотношение. Важное значение физиологии звуков для диалектологии, истории языка и научной грамматики. Физиология звуков речи, как первое звено в цепи наук о языке. Три основных цели моей статьи. Вопрос об источниках.

Вопрос о взаимоотношении графики и физиологии звуков современного зырянского языка — один из наименее разработанных в лингвистической литературе. В старых трудах его почти совсем обходили, а если и затрагивали, то лишь мимоходом и разрешали его или догматически, или произвольно, или неточно и ненаучно. Каких-либо новых, современных трудов или хотя бы статей, специально освещающих этот вопрос, я не нашел, сколько ни искал. Между тем, кажется, давно назрела пора остановиться попристальнее и на этом вопросе. Особенно сильный толчок к постановке его дало, мне думается, „подновление“ зырянского шрифта быв. лектором Коми Института Народного Образования, В. А. Молодцовым, и введение его в качестве обязательного в школах (с 1919 г.).

Основным стимулом, который движет содержанием физиологии звуков, как научной дисциплины, является вопрос о степени соответствия языка произносительного, живого, разговорного языку письменному, буквенному. Здесь физиология звуков неизбежно сталкивается с графикой, под которой обычно разумеют определенную, раз принятую систему и принцип обозначения на письме отдельных звуков речи. Графика же занимается и разрешением вопроса о степени звуковой точности, звукового соответствия той или иной буквы, как отдельного и чисто-условного письменного знака звука. (Как видим, графика — несколько не то, что орфография. Исторически графика, разумеется, предшествовала орфографии: сначала графика, а потом уж орфография).

Если каких-нибудь 50—60 лет тому назад физиология звуков речи, как специальная отрасль языкознания, совсем не существовала, то теперь, после открывших новую эпоху в науке трудов Э. Сиверса, Ф. Техмера, Фридр.-Зигм. Меркеля, А. М. Белля, Г. Сзита, И. Сторма, Вильг. Фитора, О. Есперсена, А. Эллиса, И.-Авг. Лунделля, Ф. В. Пиппинга, Ф. де-Соскура, Винтелера, Г. Б. Румпельта, Э. В. Брюкке, А. Шлейхера..., после исследований, наблюдений и опытов П. Руссело, Розапелли, А. И. Томсона, В. А. Богородицкого, А. А. Шахматова, Ф. Ф. Фортунатова, Н. В. Крушевского, Н. С. Усова, Л. В. Щербы, И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, Б. Киттер-

мана и др., — теперь она сделала очень много для изучения образования, свойств и особенностей звуков человеческой речи, а также для разрешения вопроса о наиболее рациональной и выдержанной (с научной и логической стороны) классификации звуков и их переходов. Она установила такие принципы и такие точки зрения, которые являются подчас „обязательными“ для всех человеческих языков.

Физиологию звуков речи не следует смешивать с фонетикой (фонологией, антропофоникой), занимающейся изучением звуковых явлений в языке в том их виде, в каком они нам уже акустически даны (т.-е. так сказать, в готовом виде); ее интересуют такие звуковые факты¹⁾, как например, чередование (или „переход“) звуков, ассимиляция, диссимиляция, приглушение звонких согласных звуков, метатезис (перестановка), гаплогия, стяжение, замена, отпадение, утрата, сокращение и выпадение звуков и т. п. — и под все эти звуковые факты языка фонетика подводит определенные принципы и законы. Короче говоря, фонетика должна быть определена, как наука о законах, принципах и причинах уже готовых, акустически сложившихся звуковых фактов — звуковых явлений и изменений. (Само собой разумеется, фонетику, как, впрочем, и физиологию звуков интересуют эти факты безотносительно к значениям изучаемых слов. Морфологический состав слов — их корень, суффиксы, окончания и проч. — фонетику и физиологию звуков также мало интересует²⁾).

Предмет физиологии звуков — несколько иной, отличный от предмета фонетики. Физиология речевых звуков занимается вопросом о том, какими органами и как производятся звуки той или другой языковой речи в данное время. С помощью общей анатомии человека физиология речевых звуков подробно изучает функции, положение и действия органов речи и на основе этого изучения классифицирует звуки речи по тому или иному принципу. Сведения, добытые физиологией звуков, позволяют ей поставить вопрос о тех условиях, в каких рождаются вообще различные звуковые разновидности и переходы. Короче говоря, физиология языка занимается вопросом о происхождении, условиях и способах образования или изглашения многообразных звуков речи, как результата тех или иных действий речевых органов и голоса.

Легко видеть, что без физиологии звуков языка не может быть научного знания его. „Только посредством физиологических наблюдений филолог вполне узнаёт язык; пока он упускает их из виду, он знает о языке только то, что слышится ухом и пишется рукою“... (Проф. Э. Брюкке³⁾). Действительно, — без изучения физиологии звуков языка

¹⁾ Именно факты — в подлинном и первичном смысле этого слова (языковой факт — что-то уже совершившееся, действительно происшедшее и установленное в языке, в его звуковом составе).

²⁾ Мы несогласны с профес. В. А. Богородицким, утверждающим, что „различие между фонетикой и физиологией заключается в том, что фонетика при рассмотрении звуковых явлений обращает главное внимание на грамматические категории, в которых встречается, то или другое явление (например, в корне, окончании и пр.), — между тем как физиология звуков занимается исследованием самого образования звуков речи, независимо от грамматических категорий“... („Лекции по общему языковедению“. 2-е издание Каз. 1915 г. стр. 119).

³⁾ Цитирую по капитальному труду акад. Я. К. Грота, „Филологические разыскания“, т. 2; 3 изд. Академии Наук 1885 года; стр. 7. — Курсив мой. Юр. Сл.

останутся навсегда и совершенно непонятными те процессы постепенных звуковых изменений в языке, которые с течением времени способны изменить **весь** звуковой облик языка, всю его звуковую систему, его — коль хотите — звуковую физиономию, являющуюся всегда представительницей той или иной национальной стихии. Привычная артикуляция (лат. *articulatio*, „сочленение“, способ образования) звуков речи, усвояемая каждым из нас с детства путем подражания окружающим, образует систему прочных укладов органов речи (главным образом, языка, губ, нёба и зубов), которую мы называем национальной, и по которой мы отличаем одну нацию от другой, **одного** представителя к.-л. диалекта от другого представителя иного диалекта. Вот почему без преувеличения и на строго-научных данных можно сказать, что „язык есть вернейший представитель и устойчивейший хранитель национальности“ (Проф. В. Ф. Будде¹).

Без физиологии звуков какого бы то ни было языка невозможно научное или хоть сколько-нибудь серьезное изучение его наречий, говоров и подговоров (его диалектология); а без диалектологии невозможна и история языка, т. к. основным процессом в жизни каждого языка был, является и останется процесс распределения его на наречия, говоры и подговоры (включительно до говора отдельного индивидуума); это же распадение в звуковом отношении обусловливается возникновением новых звуковых вариаций и слуховых (т. е. воспринимаемых на слух) различий. Но первоисточником этих вариаций, в конечном счете, должно признать именно физиологические явления, те или другие изменения в привычных и прочных укладах органов речи, перемещения места их артикуляций и новый физиологический характер их работы. Таким образом, наблюдаемые в истории каждого языка взаимодействия звуков и изменения их на протяжении веков и при переходе из одного языка в другой могут быть надлежаще разъяснены только физиологическим путем, только посредством данных физиологии речевых звуков. — Без истории языка невозможна, разумеется, и его научная грамматика, долженствующая связно и последовательно говорить о законах и принципах образования, изменения и соединения или состава звуков (фонетика), слогов, слов (морфология) и предположений (синтаксис).

Так в единой, неразрывной цепи соединяются важнейшие отрасли науки о языке, и первым, основным звеном в этой цепи является именно физиология речевых звуков. (Я уж не буду говорить здесь о важном значении физиологии звуков речи в деле изучения иностранных языков, обучения грамоте, обучения глухонемых, исправления различных недостатков произношения отдельных звуков: сисюканья, зюзюканья, шепелявости, картавости и др., а также в декламации, пении, драматическом и ораторском искусстве и т. п.).

Правда, звук изолированный, выхваченный из связной речи и произнесенный отдельно (а с таким звуком речевая физиология имеет дело преимущественно), — несколько иной и на слух, и по своей артикуляционной природе, и к такому, так сказать, теоретически — отвлеченному звуку „настоящей“, „действительно живой“ звук разговорного языка лишь приближается, но с ним не отождествляется; правда, что „то небольшое, что можно сказать об искусственно обособленном отдельном звуке, нисколько не исчер-

¹) „Русский язык“. 3 изд. Казань 1916 г.; стр. 86. — Срв. стр. 141.

пывает сущности его в живом языке" (проф. Э. Сиверс),¹⁾ и что „так называемое определение отдельного звука — в конце концов не более, как отвлеченный вывод из тех изменяющихся форм, в которых так называемый отдельный звук может появляться в предложениях" (он же)¹⁾; наконец, правда и то, что отдельные единичные звуки в живой, разговорной речи слышатся довольно редко (например, в русском языке: „а" при отклике на зов и при выпрашивании; „о, какой хитрый..." „у" страшилище морское!..", „жжж" или „ззз" при передаче жужжания; „ссс" при передаче свиста, а также при призыве к тишине; „шшш" тоже призыв к тишине; а также передача шипения змеи, паровоза, самовара и т. д.), — но при всем том, во-первых, неоспоримо, что речь состоит все-таки из отдельных звуков, к которым и относится, как целое и сложное к своим элементам; во-вторых, отдельные звуки каждого языка произносятся не с к.-л. произвольно придуманной артикуляцией, а только с той, к какой говорящий привык к своей родной, с детства усвоенной речи, — так что произношение отдельных звуков вполне гармонирует с их произношением в живой, разговорной речи; в-третьих, физиолог звуков подмечает и изучает не только те основные звуки, для которых есть буквы в азбуке, но и различные звуковые переходы и нюансы, обусловленные либо положением гласных относительно места и ударения, либо так называемым удвоением согласного, либо влиянием одного звука на другой; а все это весьма приближает изучаемые звуки к тем, что слышатся в живой, разговорной речи (большую помощь физиологу в этом деле оказывает так называемая научно-фонетическая транскрипция, ставящая своею целью точно записать звуки и звуко сочетания со всеми их оттенками, слышимыми в живой устной речи²⁾; наконец, в четвертых, физиология звуков, как и всякая другая научная дисциплина, по методологическим и чисто-практическим соображениям и причинам восходит от наиболее простых, первичных элементов речи (а таковыми являются именно отдельные речевые звуки) к звуковым сочетаниям и слогам; эти последние составляют неотделимую часть слов, слова же — фраз. — Все это, вместе взятое, и не дает основания умалять значение физиологии звуков речи, как именно первого звена в цепи наук о языке.

По отношению к зырянскому языку дело изучения физиологии звуков и их графического обозначения обстояло и обстоит неважно; ощутительный пробел слишком заметен, чтобы не броситься в глаза... Своей статьей я и хотел бы восполнить этот пробел. Удалась ли мне моя попытка, судить не берусь. Я только заботился, во-первых, о том, чтобы исход-

¹⁾ См. у Я. К. Грота, Указ. соч., т. 2, стр. 91; срв. проф. Е. Будде, *op. cit.*, стр. 122, 123 и 139.

²⁾ Уже из самого определения целей и задач такой транскрипции видно, что она должна быть чем-то идеальным, абсолютно совершенным... и нужно сознаться, что пока наука этого идеала еще не достигла. О важнейших типах и системах такой транскрипции (Уилкинса, Дебросса, Белля и Свита. Техмера, Есперсена, Бодуэна де-Куртенэ и других) см., напр., в „Лекциях..." проф. В. А. Богородицкого, стр. 315—9. — Образцы применения такой транскрипции см., напр., у проф. Д. Н. Ушакова, „Краткое введение в науку о языке", 4 изд. М. 1919 г. Стр. 45; и проф. Н. Н. Дурново и Д. Н. Ушакова, „Хрестоматия по великорусской диалектологии". М. 1910 г. (приложение), у проф. Богородицкого В. А., „Очерки по языковедению и русскому языку". 3 изд. Каз. 1910 г.; стр. 192 и сл., а также гл. IX; у В. И. Чернышева, „Законы и правила русского произношения". 2 издание 1908 г.; у проф. В. К. Сережникова, „Техника речи". 2 изд. М. 1926 г.; стр. 106—8; у проф. Ол. Брока, „Очерк физиологии славянской речи". 1910 г. (приложение) и др. трудах по лингвистике.

ным и возвратным пунктом в моих выводах, сближениях, характеристиках и классификациях звуков была живая, разговорная, литературная зырянская речь; во-вторых, о том, чтобы быть возможно более близким к современным определениям, характеристикам и выводам науки о языке; в третьих, наконец, о том, чтобы самое изложение мое не было слишком сухим (а этого не так легко достигнуть в вопросах филологических) и ради этого, с одной стороны, старался пользоваться возможно более популярным языком (почему мне и не удалось избежать повторений), а с другой стороны, обильно пересыпал свою статью примерами.

Главным источником для меня в моей работе послужили мои собственные вслушивания и наблюдения над разговорной литературной зырянской речью гор. Сыктывкара и прилегающих к нему слобод—Кодз-виля и Кируля. Для справок я прибегал к помощи „Краткого коми — русского словаря“ Н. А. Шахова (Устьысольск 1924 г.), „Краткого самоучителя зырянского языка“ М. А. Молодцовой (под ред. В. А. Молодцова. Устьысольск. 1925 г.), „Некоторых принципов зырянского правописания“ В. А. Молодцова (Устьысольск. 1926 г.) и отдельных статей и рецензий (проф. А. Н. Грена, В. А. Молодцова, А. С. Сидорова, В. И. Лыткина и других) — в журнале „Комі му“ (1924—27 г. г.) и в газете „Іугыд туј“ (главным образом за 1923—1925 г. г.).

І Г Л А В А.

Состав современного зырянского алфавита. Его краткая история. Отношение входящих в него букв к латинскому и русскому шрифту. Буквы, введенные вновь, и их звуковое значение. Передача зырянами звукового значения букв я, ю, е, ё. Вопрос об употреблении ими русских букв ф, х и ц.

Классификация и общая физиологическая характеристика основных звуков речи (с точки зрения состава; по способу образования; с точки зрения слуховой и временной). Критические замечания об обычной, школьной классификации речевых звуков.

Частная классификация коми звуков (с точки зрения голосового тона; с точки зрения положения мягкого нёба; с точки зрения участия губ; с точки зрения положения передней части языка. Звуки только „твердые“ и только „мягкие“. Вопрос о мнимой „мягкости“ гласных. Вопрос о так называемых „полугласных“ звуках). Классификация гласных коми звуков с точки зрения места их образования и способа их образования. Гласные лабиализованные и не-лабиализованные. Широкие, средние и узкие гласные звуки.

Как известно, современный зырянский алфавит представляется в таком виде: Аа, Бб, Вв, Гг, dd, dđ, Ее, Жж, Жж, Зз, Ӝӝ, ӚӚ, Іі, Jj, Кк, Лл, Љл, Мм, Нн, Њњ, Оо, Ъъ, Пп, Рр, Сс, Gc, Тт, Ћћ, Уу, Чч, Шш, Щщ, Ыы.

Этим шрифтом печатается вся зырянская литература с 1920 г.; с ним же имеют дело учащиеся в школах вот уже 10 лет. Принцип и система обозначения звуков в азбуке принадлежат известному угро-финнологу, акад. А. М. Шегрену (1794—1855 г.)¹⁾; но в теперешнем своем виде зырянский алфавит вышел из-под пера В. А. Молодцова (отсюда и частое название этого алфавита „Молодцовским“).

В алфавите 33 буквы; 20 из них заимствованы из русской азбуки (а, б, в, г, ж, з, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ч, ш, щ, ы); 4 буквы заимствованы из общеевропейского шрифта (так наз. „латинки“) — это d, e, i, j (русские д, э, и, й); 3 буквы введены вновь: ж и ӝ — для обозначения аффрикат (сложных, слитных согласных) дж и д'ж' (‘ обозначаю, как это общепринято в лингвистических трудах, „мягкость“ согласного звука) и буква ѓ — для обозначения особого звука, который по „Самозучителю“ М. А. Молодцовой, произносится „пассивными (?! Юр. С.) губами и языком“ и „близок к русскому ы“ (стр. 5), а по Н. А. Шахову, „при произнесении ѓ рот уже, чем при произнесении русского э“... (Предисловие к „Краткому коми-русскому словарю“, стр. III). Таким образом, М. А. Молодцова ориентируется на русский звук ы — гласный среднего ряда (см. ниже), а Н. А. Шахов — на звук э, гласный переднего ряда.

По нашим наблюдениям оказалось, что относительно более точным в определении физиологической природы звука, обозначаемого буквой ѓ, является Н. А. Шахов; мы сказали бы еще точнее: в слогe послеударном ѓ звучит близко к русскому послеудар. э: јукѓд (часть, отдел, отломок), јукѓс (колодец), улѓс (стул), ізтѓг (спички), олѓм (жизнь), урѓк (задание, урок), урѓд (урод), ѓбѓ (либо), Педѓр (Федор) и т. д.; а находясь в начальном слогe слова под ударением (положение, наиболее выгодное для

¹⁾ Он, впрочем, как и Кастрен М. А. (1813—1862), и Ферд. Ив. Видеманн (1805—1887), и нек. др. финнологи, пользовался латинским шрифтом.

определения подлинной звуковой физиономии гласного), *ö* напоминает немецкое *ö* и *oe* (*böse, schön, öffen, Löwe, Goethe...*) или французское *eu* и *oeu* (*peu, heureux, boeuf, soeur, monsieur...*), отличаясь от них, впрочем, несколько более широким раствором рта: *öкмыс* (девять), *öкмысдас* (девяносто), *öш* (бык) *öшін* (окно), *öдва* (едва) *öбöd* (обед), *öчки* (очки)...

В этом последнем случае зыряне произносят звук *ö*, приготовив язык для *ө* (рус. *э*), а губы—для *ö*: полученный звук будет губным, и про него никоим образом нельзя сказать, что он произносится „пассивными“ губами и языком. Сближение *ö* с русским *ы* мы находим неудачным и неточным потому, что это *ы* у нас, русских, звучит различно: в слогѣ ударяемом и перед следующим „твердым“ согласным—как *ы* (так сказать, в своем чистом, подлинном видѣ): был, быт, рыба; в слогѣ ударяемом перед следующим „мягким“ согласным—несколько иначе: быть, бытья, рыть, зычный; в слогѣ послеударенном—еще иначе: битвы, красный, зеленый, белый; в слогѣ пред-предударенном—еще иначе: быстрота, выливать, вымогать, выдавать и т. д., и т. д. Спрашивается: к какому же русскому *ы* близок зырянский звук обозначаемый буквой *ö*?

Наконец, 6 остальных букв зырянской азбуки служат для обозначения так наз. „мягких“ (палатализованных, „смягченных“) согласных звуков: *џ* (рус. *д'* или *дъ*), *џ* (рус. шепелеватое *з'* или *зъ*), *л* (рус. *л'* или *лъ*), *н* (рус. *н'* или *нъ*), *с* (рус. шепелеватое *с'* или *съ*), и *т* (рус. *т'* или *тъ*). Способ обозначения „мягкости“ этих согласных заимствован (хотя и несколько изменен) В. А. Молодцовым у известного преобразователя сербской азбуки Вука Стефановича Караджича (1787—1864)¹⁾.

Для передачи звукового значения русских букв *я, ю, ө, ё*; которые в начале слова и слога, а также после разделительных знаков *ъ (')* и *ь* читаются, как „двузвуки“, „йотированные звуки“ *йа (ја), йу (ју), йэ (јэ), йо (јо)*—например в словах: *якорь, моя, семья; юг, юркий, бью; ель, поедешь, свинье; ёрш, житьё, моё*,—а после согласного (кроме всегда „твердых“ *ж, ш и ц*) обозначают соответственно звки *а, у, э, о, +* непременную „мягкость“ этого согласного (дядя—*д'* а *д' а*, люблю—*л'убл'у*, лук—*л'ук*, дело—*д'эло*, тѣща—*т'оща*),—в зырянской письменной речи в начале слов и слогов, а также после букв *б, в, м, п, р, г, к, ж и ш* (после 4 последних крайне редко) употребляются сочетания: *ја, ју, јө, ²) јо*; после же букв *џ, џ, л, н, с, т* на месте русских *я, ю, ө, ё* пишутся всегда (в точном согласии с произношением) *а, у, ө, о*. Примеры: *јакөр* (якорь), *јашџік*—(ящик), *јешџö* (еже), *јушка* (вьюшка), *јун* (вьюн), *јамџік* (ямщик), *јмасџік* (масник), *пермјак* (пермяк), *Вјатка* (Вятка), *знамја* (знамя), *објавленье* (объявление), *ујезд* (уезд), *Јевропа* (Европа), *бјуст* (бюст), *јжүрі* (жюри), *біүро* (бюро), *Кјакта* (Кяхта), *запјатаја* (запятая), *зарјадітіны* (зарядить), *брошјура* (брошюра)... Но: *дад* (дядя), *зат* (зять), *нѣлма* (нелма), *сентябр* (сентябрь), *маслѣнџа* (масленица), *надеја* (надежда), *револүтсіја* (революция), *електрічество* (электричество), *колькѣктивнеј* (коллективный), *размер*, (а не *размјер*, как мы ожидали бы), *Стѣнка Разін* (Стенька Разин), *землеустројство*, *мерін* (а не *мјерін*), *патент* (патент)...

¹⁾ У Г. С. Лыткина, а также у И. Вихманна, Н. П. Попова (введшего такое обозначение по совету академ. Шогрена) и нек. др. „мягкость“ согласных звуков обозначается черточкой ' или ' над соответствующими буквами: *з, с, п, л, д, т, ч*, (или *z, n, s, ...*).

²⁾ Относительно *је* (рус. *е*) это соблюдается далеко не всегда (примеры см. ниже), т. к. зырянское *е* выступает; то в роли русского *з*, то в роли русского же *ө*.

Русских букв **ф**, **х** и **ц** в зырянской азбуке нет (обычно они заменяются соответственно буквами **п**, **к** и **тс**: пабріка, кітрей, олітсер...),—однако, две первые из них постоянно попадают в современных официальных зырянских документах, в зырянских объявлениях, в зырянских газетах „Југыд Туј“ и „Комі Сіят“ — органах ОК ВКП(б) и ОИК в зырянском журнале „Ордым“ и т. д. (Эти буквы употребляет и сам „подновитель“ шрифта, В. А. Молодцов—например, в своей книге „Некоторые принципы зырянского правописания“. стр. 8, 30, 32, 33 и другие). Вот некоторые из записанных нами слов: педтехнікум (а не педтекнікум), парікмахер, хрестомѣіа, хіміја, Франтсіја (а не Прантсіја), тсыфра (а не тсыпра), фонд (а не понд), фашист (а не пашист), фізіка (а не пізіка), професвіја и профессор, (а не пропесвіја и не пропессор), профсојуз (а не пропсојуз), електрфікатсіја (а не електрпікатсіја), суффікс (а не суппикс), федератсіја (а не педератсіја), параграф (а не параграп), фотографіја (а не потограніја), орфографіја (а не орпограпіја), фізкультура (а не пізкультура), фінанс (а не пінанс), фронт (а не пронт), флот (а не плот), ріфма (а не ріпма), телеграф (хотя встречается и „телеграп“), телефон (встречается и „телефон“), фальшівеј (встречается и „пальшівеј“), конферентсіја (встречается и „конперентсіја) и т. д.

Примеры на замену русск. „ц“ буквами **тс**: мілітсіја (милиция), демонстратсіја (демонстрация), організатсіја (организация), квітатсіја (квитанция), сотсіалізм, сотсіалізатсіја, стантсіја, оператсіја, консультатсіја, редактсіја, інформатсіја, сектсіја, кантсельаріја, кооператсіја, авіатсіја, прінтсіп (принцип), агітатсіја, інструктсіја, гвардејетс (гвардеец), тсентр (центр), натсіја, дістсіпліна (дисциплина), лйтсемер (лицемер) и т. д. (Все эти слова—иностранные).

Легко видеть, что с употреблением русских букв **ф** и **х** в зырянском письме,—букв не имеющих в зырянском алфавите,—вышла тоже „маленькая“ неразбериха, с которой надо покончить каким-то одним **или**: или везде, без всяких исключений употреблять в зырянском письме вместо **ф** и **х** буквы **п** и **к** (как это и делал, например, Г. С. Лыткин), или же ввести буквы **ф** и **х** в зырянский алфавит. Если держаться произношения, то придется остановиться на первом решении, т. как звуки **ф** и **х** чужды зырянскому говорильному аппарату, исконно-зырянской звуковой системе. А ведь основным (но не единственным!) принципом зырянского правописания является безусловно фонетический, звуковой, и держится он здесь довольно прочно (во всяком случае, прочнее, чем, например, в русском правописании),—в особенности, в исконно-зырянских словах: слова большею частью произносятся так, как пишутся; читаются все буквы; каждая буква обозначает „прикрепленный“ к ней звук (простой или слитный). Но в словах, заимствованных из других языков¹⁾,—в частности, из русского языка—подчас сказывается влияние источника, и фонетический принцип в зырянском правописании выступает уже не столь отчетливо (об этом см. ниже).

А) Обратимся к классификации и общей физиологической характеристике основных звуков зырянской речи.

(Не надо, конечно, думать что приводимые нами классификации звуков исчерпывают в сё разнообразие этих последних, как они слышатся в живой зырянской речи: не было, нет и не может быть такой общей системы

¹⁾ А таких слов в современном разговорном и газетном зырянском языке довольно много: по нашему скромному и приблизительному подсчету—20%.

классификации, которая позволила бы охватить и уложить в нее решительное все возможные речевые звуки, и никто из физиологов не в состоянии обзреть всех возможных видоизменений отдельных форм артикуляций. Ст. б., отмечаемые нами в классификациях звуки надо рассматривать только, как основные типы, к которым можно свести все разнообразие живых речевых звуков, и установление которых может помочь нам при определении природы, характера и свойств многообразных звуков, слышащихся в живой зырянской речи — включительно до звуковых обобщенностей речи отдельных индивидуумов. — Срв. Грота, *op. cit.*, т. II, стр. 99; Д. Н. Ушакова, *op. cit.*, стр. 19 и 27).

1. С точки зрения состава все звуки, обозначаемые буквами зырянской азбуки, могут быть поделены на 2 категории: 1) звуки простые, основные, однородные, неразложимые (для их имеются 29 букв: а, б, в, г, д, е, ж, з, и, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ш, ы), и 2) звуки составные, сложные, слитные, аффрикативные (они обозначаются 4 буквами: ж, з, ч и ш). О звуковом значении букв ж и з уже сказано (их артикуляция подробно будет описана потом); буква ч в зырянском языке, как и в литературном русском обозначает всегда „мягкий“ компонент согласных звуков **т' + ш'** (= **т'ш**), быстро и без паузы произносимых друг за другом: переход от одного звука к другому столь быстр, что оба звука, вместе произнесенные, составляют один, слитный звук. Если попробовать тянуть звук, обозначаемый буквами ч, ж и з, то мы заметим, что звуки ч, ж и з (как таковые) слышатся только в самом начале, но затем тотчас же обращаются соответственно в **ш'**, **ж** и шепелявое **з'**. — Буква **щ** в зырянской графике обозначает слитный, всегда „твердый“ компонент звуков **тш** (в современном русском литературном языке эта буква, как известно, обозначает долгий „смягченный“ согласный **ш**, т.-е. **ш'** — где — знак долготы —, или **шьшь**, **ш'ш'**; но интересно, что еще в XVIII веке эта буква, по свидетельству М. В. Ломоносова и горемыки В. К. Тредьяковского, в русском языке обозначала „твердую“ аффрикату **шч**, или, что все то же, **штш**).

2. По способу образования (или по роду преграды) звуки зырянской речи делятся на 3 общих класса (как и в русском, и во всех западно-европейских языках): 1) класс так называемых гласных звуков, характерная физиологическая (еще точнее, — артикуляционная) особенность которых заключается в том, что при их изглашении имеет место свободный, беспрепятственный, широкий (то более, то несколько менее) проход звучащей струи воздуха (направляемой из легких через гортань в голосовые связки и далее в резонирующую ротовую полость¹⁾) — без затвора органов речи в полости рта и без заметного шума. (Точнее говоря, — при изглашении гласных голос, голосовой тон заглушает, имеет безусловное преобладание над слабым, совершенно незначительным и по тому ускользающим от слуха шумом, производимым в полости рта колебаниями воздуха вследствие движения речевых органов. Из одного голоса звуки речи состоять

¹⁾ Мы намеренно не говорим здесь об устройстве речевого или говорильного (голосового) аппарата (в его состав входят: легкие, гортань с горизонтально расположенными попереки ее 2 эластичными и упругими голосовыми связками, мягкое нёбо, полость зева, полость рта, полость носа, твердое нёбо, нижняя челюсть, язык, зубы и губы), т.к. сведения об этом интересующиеся могут найти в любом общем курсе анатомии и физиологии человека (проф. В. В. Завьялова, Е. А. Аркина, Словцова и др.).

не могут, а состоят они или из одного шума — так. назыв. глухие шумные согласные, — или же из голоса и шума — все гласные, все сонорные и все звонкие шумные согласные: в гласных и сонорных звуках преобладает голос над шумом, в звонких шумных согласных — шум над голосом). Гласные звуки в зырянской графике обозначаются 7-ми буквами: а, е, і, о, ѓ, у, ы. 2) Класс сонорных (полноголосных, глоссовых, голосных, звучных; лат. *sonor* — звук, голос) согласных, артикуляционная особенность которых — в том, что при их произнесении имеет место — несмотря на затвор, образуемый органами речи в полости рта — свободный (как и при гласных) проход звучащей струи воздуха через ротовую или носовую полость. Они обозначаются 6 буквами: р, л, љ, м, н, њ. Звуки р, л, љ часто называются плавными, звуки м, н, њ — носовыми. Название звуков р, л и љ плавными (лат. *liquidae*) — образное, не научное (с точки зрения речевой физиологии), но относительно удобное по своей краткости и определенности. Термин „носовые“ звуки (лат. *nasales*) — менее удачен, т. к. звуки эти образуются вовсе не в носу, а только при их изглашении полость носа служит проводником и резонатором для звучащего тока воздуха. 3) Класс шумных согласных: при их произнесении нет свободного, беспрепятственного прохода выдыхаемой воздушной струе, и он образуется двумя „обходными“ путями, — или взрывом („шумом“, разнятием, лопанием), сомкнутых органов речи (губ, языка, зубов, нёба), что наблюдается при изглашении простых звуков, обозначаемых 8 буквами: б, п, д, ф, т, ѓ, г, к, а также звуков слитных ж, з, ч, ш (это — так назыв. взрывные¹⁾, или смычные, или затворные звуки), — или же образованием узкой щели между сближившимися, но не сомкнувшимися органами речи; через эту щель (теснину) и проходит („продувается“) сдавленная струя воздуха, не давая, разумеется, взрыва, но образуя характерное трение („шум“, шипение, свист, шорох); отсюда и общие названия этих звуков — фрикативные (термин проф. Румпельта — 60 г. г. XIX ст.; лат. *fricare* „тереть“), придумные (излюбленный термин проф. В. А. Богородицкого, случайно оброненный еще акад. Я. К. Гротом), спиранты (лат. *spirantes* — собственно „дыхательные“), теснинные (нем. *Engeklaute*), щелинные (щелевые), проточные (проток для воздуха), проторные (от „тру“, „тереть“) или просто трущиеся. Для обозначения этих звуков служат 8 букв: в, ж, з, ѓ, ј, с, е, ш. (Заметим здесь же, что при изглашении взрывных звуков смыкание верхней и нижней челюсти более энергично, чем при произнесении звуков фрикативных).

3) С точки зрения слуховой (акустической) и временной взрывные; или смычные согласные звуки являются мгновенными (лат. *momentande*), фрикативные, а также „носовые“ сонорные и все гласные звуки — длительными (лат. *continude s. durativae*). „Мгновенные звуки“, по удачному сравнению изв. немецкого лингвиста А. Шлейхера (1821—1868), „отличаются от длительных, как точка от линии“...²⁾ Не надо думать (вслед за Э. Сиверсом, впавшим здесь в ошибку), что в живой речи, в обычном произношении так называемые длительные звуки длиннее или протяжнее мгновенных: длительными (не долгими!) эти звуки называются только потому, что они

¹⁾ Не „взрывчатые“! (неуклюжий термин, неудачно нововводимый М. А. Молодцовым в „Самоучителе“..., стр. 5, и поддерживаемый В. А. Молодцовым — например, в статье рецензии на „Краткий коми-русский словарь Н. А. Шахова, помещенной в журнале „Коми му“ 1924 г., № 4—6, стр. 131.

²⁾ См. у Я. К. Грота, *op. citat.*, т. II, стр. 14,

обладают способностью к продлению, их можно „протягивать“ в произношении,—меж тем как мгновенные звуки остаются необходимо краткими (отрывными): сколько бы мы ни старались протянуть их, нам это никогда не удастся.

Таким образом, приведенной классификации звуков по способу образования (или действия органов произношения) звуки сонорные занимают промежуточное, срединное место между гласными и шумными согласными звуками: и действительно,—с одной стороны, они по способу своего образования примыкают к гласным звукам, т. к. при их изглашении, как и при изглашении гласных, остается свободный выход звучащей струе воздуха; с другой стороны, они сближаются с шумными, затворными согласными звуками, т. к. эта струя воздуха на своем пути встречает препятствие—затвор, смычку органов речи и потому стремится в свободный, но обходный путь—или в полости рта, или в полости носа. Вот отчего эти звуки могут произноситься полным голосом, имеющим свой свободный выход¹⁾.

Нужно отметить здесь же, что обычная классификация звуков речи—на гласные и согласные,—обычное определение их и самые термины „гласные“ и „согласные“ звуки—строго говоря, являются и ненаучными, не основанными на физиологии звуков, и неточными, и нелогичными,—хотя они и освещены седой традицией. (Это ценное соображение впервые было высказано и блестяще разъяснено знаменитым немецким физиологом—проф. Э. Сиверсом, автором классического труда „Grundzüge der Lautphysiologie“; 1-е изд. вышло в 1876 г.; во втором и последующих изданиях труд называется „Grundzüge der Phonetik“—Точку зрения проф. Э. Сиверса разделяют многие ученые лингвисты—акад. Я. К. Грот, акад. Ф. Ф. Фортунатов, акад. А. А. Шахматов, профессор Е. Б. Будде, проф. Д. Н. Ушаков, проф. С. К. Булич, проф. А. И. Томсон и др.).

В самом деле: классифицировать звуки речи, как таковые (а они ведь—результат действия телесных органов, изучаемых анатомией и физиологиею), можно и должно только на физиологическом принципе, учитывающем и способ образования звуков, и место их образования, и положение, и характер деятельности органов речи²⁾, участвующих в образовании звуков, и наличность или отсутствие голосового тона при этом образовании. (Под голосовым тоном или просто голосом разумеют музыкальный тон, производимый—равномерными, ритмическими дрожаниями голосовых связок гортани; каждый такой тон разумеется, имеет ту либо иную силу, высоту, продол-

¹⁾ Недаром проф. А. И. Томсон, проф. В. А. Богородицкий, проф. Д. Н. Ушаков и многие др. физиологи речи находят возможным объединить сонорные (плавные и носовые) согласные звуки гласные в один общий класс—сонорных звуков т.-е. звуков с преобладанием голоса (sonor), противопоставив его другому классу—шумных звуков, т.-е. звуков с преобладанием шума. (См., напр., А. И. Томсона, „Общее языковедение“. 2 изд. Од. 1910 г, стр. 107 и 186; В. А. Богородицкого, „Лекции“..., стр. 55 и 56; Д. Н. Ушакова, ор. cit., стр. 35). Помимо того: вследствие своей близости к гласным звукам сонорные согласные часто выступают в роли т. н. слоговых (слобообразующих) звуков; а эта роль *par excellence* принадлежит звукам гласным (см. ниже, гл. IV).

²⁾ Главным образом языка, губ., нижней челюсти и мягкого нёба (лат. *palatum molle* или нёбной занавески, *velum palati*—„парус нёба“, нем. *Gaumensegel*); это—так наз. активные (подвижные, деятельные, работающие) органы речи,—в отличие от пассивных (неподвижных, недеятельных)—полости рта, полости носа, твердого (костяного) нёба и зубов. Дыхательный аппарат (легкие, *pulmones*) и гортань (*larynx*) с 2 голосовыми связками (*chordae vocales*)—правой и левой—также должны быть отнесены к активным органам речи.

жительность (количество) и тембр (качество, „окраску“), или, другими словами, способен усиливаться и ослабляться, повышаться и понижаться, замедляться и ускоряться и, кроме того, изменять свою „окраску“ (немецк. Klangfarbe или Tonfarbe), свое качество, свой характер,—иначе он был бы не музыкальным тоном, а лишь шумом, т. е. результатом не периодических, неравномерных колебаний. Впрочем, строгую разграничительную линию между музыкальными звуками и шумами почти невозможно провести,—да и самая природа шумов—со стороны физической, физиологической и акустической—еще слишком мало изучена¹). Всякое иное деление звуков речи может быть и будет уже не логически необходимым и не научным, а лишь практическим (пусть даже очень удобным). Только с такой необходимой оговоркой и можно сохранить прежние, общепринятые (со времен древне-греческих грамматиков) термины: „гласные“ и „согласные“ звуки.

Между тем, обычная, школьная классификация звуков, основанная не на физиологической сущности их, а на их функции, на роли, какую они играют в образовании слогов (т. е. на их способности или неспособности иметь на себе слоговое ударение),—грешит не только против физиологии звуков, но и против правила о делении вообще, установленного логикой: в этой классификации смешиваются два основания для деления (*fundamenta divisionis*)—участие голосового тона (при произнесении гласных или „самогласных“, как их называли в XVIII в. Мел. Смотрицкий, М. В. Ломоносов и др.) и способность сочетания звуков друг с другом („со-гласные“ звуки, т. е. звуки, употребляющиеся и „свободно“ и „легко“ выговаривающиеся якобы только в соединении с гласными²). Против такого определения природы согласных восставал еще в 50-х г. г. прошлого столетия профессор-физиолог Э. Брюкке).

На самом же деле, в природе гласных звуков главную роль играет не орган речи, а место образования; в природе же звуков согласных такую роль играет орган речи, который артикулирует своим движением звук, или относительно которого артикулирует язык, как наиболее богатый мышцами, наиболее активный орган речевого аппарата, способный действовать (артикулировать) своей передней (особенно подвижной), средней и задней частью относительно мягкого и твердого нёба, альвеол (челюстных ячеек или луночек) и зубов. Помимо того: он может делаться плоским (лежать плашмя) и выгибаться (принимать выгнутое положение), удлиниться и укорачиваться, суживаться и расширяться, подниматься и опускаться. (А от той или иной артикуляции языка зависит характер и качество звука).

В) В частности, если рассматривать звуки зырянской речи: 1) с точки зрения присутствия или отсутствия голосового тона (иначе говоря—по действию гортани) при их произнесении, то придется поделить их на 2 категории: а) звуки звонкие (лат. *tonantes*; звучные—по терминологии Ф. И. Буслаева и И. И. Срезневского; громкие—по Э. Брюкке)

¹) Более подробные сведения о голосовом тоне и тонах вообще, а также о шумах, резонансе и резонаторах, силе, высоте, продолжительности и тембре звуков интересующиеся могут найти в любом общем курсе физики, в отделе акустики.

²) Срв. в „Грамматике зырянского языка“ Г. С. Лыткина: „Гласными называются те буквы, которые слышны без помощи других... Согласными называются те буквы, которые слышны в соединении с гласными“... (Ор. cit., отд. II, стр. 1.—Курсив мой. Юр. С.). Здесь налицо и беспардонная путаница звуков и букв. и туманная неверность определения понятий...

согласные взрывные звуки, обозначаемые 2 буквами: **к** и **г**. 1)

5) С точки зрения „произносительного“ положения передней части спинки языка по отношению к твердому нёбу нужно различать 2 группы согласных звуков: а) звуки палатальные (нёбные, твердо-нёбные, на слух—„смягченные“ или просто „мягкие“; лат. *palatum* нёбо), при произнесении которых полость рта укорачивается, углы губ слегка растягиваются, а передняя (точнее—средне-передняя) часть спинки языка поднимается к середине твердого или костяного нёба (*palatum durum* s. *osseum*) и принимает такое положение, с каким произносятся нёбные (палатальные) гласные **е, і** (стало быть, при произнесении палатальных звуков активную роль играет язык, пассивную—твердое нёбо); **к** „мягким“ согласным относятся звуки, обозначаемые 9 буквами азбуки: **џ, љ, њ, џ, џ, џ, џ, џ, џ**. б) Звуки, обозначаемые 17 буквами: **б, в, г, д, ж, ж, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ш, щ**,—звуки не-палатальные (не-нёбные, акустически „не-смягченные“ или просто „твердые“). При изглашении „твердых“ согласных звуков полость рта, удлиняясь, принимает такое положение, которое нужно для того, чтобы непосредственно за согласным произнести один из гласных—**а, о, у, ы**; **жаљ, судно, рыжік, мужік, сакар, правда, табак, заклад, рак, лук; морт (человек), вок (брат), бур (добрый, хороший), пу (дерево), мыј (что), шуны (говорить), ылын (далеко), улын (внизу), ныв (дочь, девушка)...** „Твердым“ согласным звукам несвойственно столь характерное для „мягких“ согласных приближение передней части языка к соответствующей части твердого нёба.

Помимо того: акустически, на слух „мягкость“ согласного звука характеризуется более высоким голосовым тоном—сравнительно с тоном соответствующего „твердого“ согласного. Срв. произнесение звуков—**д** и **џ**, **л** и **љ**, **н** и **њ**, **з** и **џ**, **с** и **џ**, **т** и **џ**; **р** и **р'**, **б** и **б'**, **м** и **м'** и т. д. (Изменение в высоте звукового тона обусловливается отмеченной физиологической особенностью артикуляции „мягких“ согласных; см. также ниже, в конце III главы).

Следует хорошенько запомнить, что „твердыми“ и „мягкими“ могут быть только согласные звуки, но не гласные (как это утверждали долгое время старые грамматики); гласные могут только „смягчать“ или „не смягчать“ предшествующий согласный, но сами не являются ни „твердыми“, ни „мягкими“. Срв. **револџцїа, клејма (клеймо), џат, статїстїка, кџајство (хозяйство), судїтны (судить); нїм (имя), ветны (давать), серавны (смеяться), ферт (конечно), венџа (спору), њџбны (купить), џкыд (тяжелый), џї (один), џїзм (семь)...**

Из гласных чаще всего „смягчают“ предыдущий согласный звук **і** и **е** (последний звук—лишь тогда, когда выступает в роли русского **е**, или **ја**): см. только что приведенные примеры; срв. также **гаџет (газета), технїкум (техникум), магаџїн, канџїдат, кулїк, кїнжал, леџар, лїст, џелеџат, џетїна—**

1) Школьная грамматика очень долгое время совершенно неверно называла эти звуки (и звук **х**) **гортанными** (лат. *gutturales*): они образуются вовсе не в гортани, а в полости рта; если же называть их гортанными только потому, что при их произнесении выдыхаемая воздушная струя проходит через гортань, то в таком случае и все остальные звуки тоже должны быть названы гортанными, ибо при их произнесении воздушная струя (звучащая или не звучащая) также проходит через гортань, и не может не проходить,—ведь гортань расположена на пути из легких в полость рта и носа,—между глоткой и дыхательным горлом (трахеей). Собственно гортанные звуки (взрывные и фрикативные, звонкие и глухие) можно уловить, например, в речи татар, армян, арабов, эфиопов (абиссинцев), айсоров и др. народов.

мальчик, чернѣла, мѣльярд, телега, сантимѣтр, радѣю, плѣш—лоб, дѣван, болѣнѣа, наѣм—наѣм удобрѣнѣе, колонѣја, Англіѣја, инвалѣд...

Из „мягких“ (нѣбных палатальных) согласных звуков чаще всех подвергает „смягченію“ предшествующій звук—j,—в особенности, когда он служит для передачи русских **я, ю, е, ё** (ja, ju, je, jo), в состав которых входит: рус. бюро—бѣуро, мѣаснѣк (рус. мясник), запѣтатаја (рус. запятая), лѣубѣ (рус. люблю), обѣдѣна (обедня), седлѣ (седло), обѣмга (сѣмга), кѣстѣр (костѣр), гѣловѣна (головня), тѣтка (тѣтка), заѣавлѣнѣнѣе...

Что в сочетаніях бѣу, пѣа, мѣа и под. = русскими **бю, пѣа, мѣа**... „мягкими“ являются только согласные **б, п, м** и др., а за ними следуют гласные **у, а** и др.,—легко убедиться, если попытаться произносить те и другіе, но протягивать гласные: бѣуро = б'ууу-ро, мѣаснѣк = м'ааа-снѣк, запѣтатаја = зап'ааа-тѣја, знамѣа = зна-м'ааа и т. п. — Интересно, что зырянѣе, как и вообще, инородцы, в словах, подобных только что приведенным, обыкновенно не так резко „смягчают“ согласный перед ja, ju, je, jo, как в русском языкѣ перед **я, ю, е, ё**, а значительно слабѣе, и, напр., слова: Вѣатка (Вятка), пермѣак, запѣтатаја и под. произносятся так, как если бы по-русски было написано: Вѣатка, пермѣак. запѣтатаја и т. д. (см. ниже, конец III главы). Что касается написаній в родѣ кѣзак, прѣстыѣна, кѣзѣин, лѣубѣ, обѣдѣна, гѣловѣна и под., то они имѣют такой вид только потому, что для находящихся в них „смягченных“ согласных (**с', н', з', л'**...) есть особые буквы в зырянском алфавитѣ (**з, н, з, л...**); если бы таких букв не было, то и эти слова писались бы, например, так: *кѣсѣак, *прѣстѣја, *кѣзѣин, *лѣубѣ, *обѣдѣна, *гѣловѣна и под. Срв. также чисто-зырянскіе слова: пѣвѣан—баня, сѣвѣа—потом, нѣламын—сорок, го—сто, гѣва—бѣйко, умѣло, гѣурс—тысяча, нѣа—хлѣб, нѣур—болото, гѣча—шея... где j исторически также должен был имѣть мѣсто, и с ним эти слова имѣли бы такой вид: *пѣвѣан, *сѣсѣја, *нѣлѣамын, *сѣо, *сѣусѣа, *сѣурс, *нѣанѣ или *нѣанѣ, нѣур, голѣа... (звездочкой обозначаем физиологически и исторически неизбежныя, хотя и не доказанныя памятниками формы).

Сам „мягкій“ (палатальный) и обычно несколько „смягчающій“ (палатализующій) — по кр. м., в словах заимствованных — предшествующій согласный j часто, но неверно даже в наши дни называется некоторыми грамматиками и языковедами полугласным (срв. греч. *ῥινοφα*, лат. *semivocales*) или неслоговым гласным i.¹⁾ Большинство языковѣдов считает этот звук согласным). При этом обычно ссылаются на бывшее звуковое значеніе j перед гласными и после гласных, на то, что когда-то он был звуком гласным, но неслоговым, т.-е. не составлявшим слога, а примыкавшим в слоговом отношеніи к предыдущему гласному (слоговому) звуку; потом в некоторых положеніях (перед следующими за ним ударяемыми **а, у, э, о**) он превратился в согласный (см. напр., Е. Будде, *op. cit.*, стр. 97), — а в общем он-де теперь „полугласный“ (и „полусогласный“?). Для нас историческіе справки о бывшем звуковом значеніи j не имѣют цены: важно только то, что в современном зырянском языкѣ этот звук выступает именно, как согласный фрикативный звонкій среднеязычный (его артикуляція подробно будет описана ниже).

Есть такіе согласные звуки, которые имѣют постоянную „твердость“ или постоянную „мягкость“; так, напр., всегда „твердыми“ согласными в

¹⁾ Г. С. Лыткин в своей грамматикѣ, идя по шаблонной тропѣ, также считает j „полугласным“, „выражающим половину гласнаго звука“... (Зырянскій край“... 1889 г. Отд. II, стр. 1).

зырянской речи являются звуки, обозначаемые буквами ж, ш, ж, и ш: мужік, дружина, саженъ, площадъ, служащей, общественной, аршін, машина, јашцер, лѡж, пальшѡр (фельдшер), шај или шцај (чай)... Во всех этих и всех остальных словах ж, ш, ж и ш произносятся „твёрдо“; эти звуки— всегда не-палатальные, не-нѣбные. Срв. также произношение чисто-зырянских слов: ужальс—трудящийся, ыжыд—большой жужыд—глубокий, высокий, шедны—достаться, шебрас—одеяло, шеп—колос, ѡшін—окно, жаж—полка, чојін—тетя, шак—гриб, куш—орел, кыш—круг, обод, петла, ешажык—меньше.

Всегда „мягкими“ согласными звуками зырянской речи являются ч и ј (как и в литературном русском языке): чістеј, частнеј, четверт, улыч (улица), чѡлнѡк (челнок), прѡцент (процент) кѡлач, бѡчка, гѡвѡч (гобец), кѡчан (кочан), чајтны (полагать, думать, чаять), пекніча (пятница), сѣтеч (ситец), купеч (купец), кузьніча (кузница), ножіч (ножницы), маслѣніча (масленица), пѡслѡвіча, чіпан (курица), ѡгурчі (огурцы); чаъ (жеребенок), ортчѡн (рядом), сетчѡ (тудз), татчѡ (сюда), роч (русский), чача (игрушка), міча (красивый), кучік (кожа), чукля (кривой), чері (рыба), чер (топор), пѡч (старуха), віч (отчество), ічѡт (маленький), чуъ (палец), руч (лисица)...

Даже в таких словах, где за ч следуют орфография, а, ѡ, у и ы (никогда „не смягчающие“ предыдущего согласного), ч не утрачивает своей „мягкости“, и потому произношение таких слов отходит от их написания: чышјан, чача, міча, чуъ, чукля, чукѡртны, чој (дядя), чојін (тетя), чој (сестра), ачым (я сам; произносится так, как если бы было написано ач-ім), курітчїны (курить), купајтчїны (купаться)... Вот почему Г. С. Лыткин во всех подобных случаях ставит—как и всегда—знак „мягкости“ над буквой ч и пишет: ачым, чышјан и т. д., а также чун, четчыны, колтчы, чери и т. п.

Остальные из „твёрдых“ согласных и, в частности, те, для которых в зырянской азбуке нет отдельных букв с знаком „мягкости“—б, в, г, н, м, п, р,—в зависимости от своего положения в слове и в силу чисто-физиологических причин довольно часто звучат и „мягко“, хотя эта „мягкость“ на письме и не обозначается; керка (дом; произносится, как русское „керка“, а не как „кѣрка“). пі (сын; произносится п'і), бі (огонь; произносится б'і), міча, кер (бревно), віт (пять), віна (водка), віч, гіра (гиря) ріс (рис), гіжны (писать), вір (кровь, румянец), пік (безвыходное, „пиковое“ положение), піла, шурін, прїјатно, прїмер, комїссарїат, піъ (зуб), піча (борона)... Срв. произношение слов: кыв, мыј, пыреј, пыш (конопля), пыш (блоха), пыдын (глубоко), пыфѡі (вместо), пыъ (мука), пыдѡс (дно), быдлун, гыр (ступа), гым (гром), ывлывав, рыт, рыныш (овин), вылѡ (на)...

б) Гласные звуки в зависимости от места их образования и от положения языка, от его артикуляции по отношению к нѣбу передней, средней или задней частью своей спинки могут быть распределены по 3 рядам: а) гласные переднего ряда (твёрдонѣбные, передненѣбные или просто нѣбные, палатальные, переднеязычные, передние, англ. front), артикулирующиеся передней частью спинки языка ближе к переднему, твёрдому нѣбу; таковы звуки е, і (в начале слова и слога под ударением, а также после „мягкого“ согласного: ізны—мслоть, чіпан—курица, єін—глаз, нїм—имя, єїзім—семь, тїпограпїја, іј—лед...); б) гласные среднего ряда (средненѣбные, среднеязычные, средние, англ. mixed—„смешанные“), артикулирующиеся ближе к средней зоне нѣба, к границе между твёрдым и мягким нѣбом (точнее их следовало бы называть передне-средними или

средне-передними); сюда должны быть отнесены звуки: **ы**, **ѳ** и звук **і** пос-
т-твердого“ согласного (шонді—солнце, тані—здесь, дінын—около, лудік
клоп, мазі—пчела, коді—кто, ті—вы...), очень близкий к **ы**; ¹⁾ в) гласн-
заднего ряда (задненѣбные, мягконѣбные, велярные, заднеязычны-
задние, англ. back), артикулирующиеся ближе к заднему, мягкому нѣб-
таковы звуки — **а**, **о**, **у**.

Чтобы убедиться в правильности такого распределения гласных
3 „горизонтальным“ рядом, достаточно осторожно—чтобы не вызвать рвоты
положить кончик пальца на язык и проследить его движение вместе
языком при изглашении соответствующих звуков.

7) Если при этом для большей физиологической точности и опред-
ленности (а они в науке о языке безусловно необходимы, т. к. часто п-
могают уяснить возможность перехода одного гласного звука в друго-
гласные звуки поставять в зависимость от способа их образования
от степени поднятия (приближения) передней, средней или задн-
части спинки языка к нѣбу, то легко будет установить, что эта степе-
поднятия языка сверху вниз (вертикально), этот подъем его может бы-
различен: при изглашении одних гласных он довольно высок, при изгл-
шении других—он менее высок, а то и просто низок. Отсюда—различа-
3 группы гласных звуков: а) гласные высокого (или верхнего, англ.
high) подъема; к ним относятся: **і**, **у**, **ы**; б) гласные среднего (англ. m-
подъема: **е**, **ѳ**, **о**; в) гласные низкого (или нижнего, англ. low) подъема—
Путем самых простых наблюдений (хотя бы перед зеркалом) легко опред-
лить, что напр., при произнесении звука **і** или **ы** язык занимает бол-
высокое положение, имеет более высокий подъем, чем, например, при п-
изнесении звука **ѳ** или **а**. (Деление гласных по 3 „вертикальным“ и 3 „п-
ризон-альным“ рядом впервые было обосновано и введено в науку крупны-
английскими фонетиками, А. М. Беллем и Г. Свитом еще в 70-х г. г. про-
лого столетия).

8) С точки зрения участия губ различают 2 группы гласных звуков
а) звуки лабиализованные (или округленные, собств. „огубненные“
при их изглашении губы вытягиваются кольцеобразно или овально впер-
сюда относятся звуки **о**, **ѳ** и **у**—причем при произношении первого зву-
губы вытягиваются несколько меньше, чем при произнесении **у**; звук же
лабиализован еще в меньшей степени, чем **о**; б) остальные гласные звуки
а, **е**, **і**, **ы**—являются звуками нелабиализованными (или неогубне-
нными, неокругленными), т. к. при их произнесении не замечается ни в-
пячивания, ни округления губ.

9) В зависимости от степени раскрытия рта, или от положен-
нижней челюсти—слегка приподнятой или оттянутой книзу и т-
образующей с верхней челюстью то больший, то меньший угол—нуж-
различать 3 группы гласных звуков: а) звуки широкие, при произн-
сении которых нижняя челюсть оттягивается, осаждается книзу, и степе-

¹⁾ Найриосенга в своей рецензии (Комі му“ 1925 г., № 6—7, стр. 73) на „Саг-
учитель“... М. А. Молодцовой замечает, что в зырянском языке **ы**—звук не средненѣб-
как в русском языке, а передненѣбный (как в кавказских языках). Наши наблюдения
подтвердили этого: поставить зырянский звук „**ы**“ рядом с действительно „переднен-
ными **е**, **і** все-таки нельзя; лучше всего определить звук „**ы**“, как именно средн-
передний (что он в зырянском языке артикулируется несколько ближе к передн-
части нѣба, чем в русском. против этого мы не возражаем). Срв. такое же, как в зы-
ском языке, передне-среднее **ы** в украинском: сын, шиття (шитье), жыття (житье),
дыты, стали, шлы... в немецком: Gisgh, stift, biffe, dinq, Gipfel.

раскрытия рта более значительна, чем при других гласных; таков звук **а**; б) средние (средне-широкие) звуки при произнесении которых рот имеет среднюю степень раствора; таковы звуки: **о, ɐ, ɵ**; звуки узкие **е**, при произнесении которых рот лишь слегка раскрыт, так как нижняя челюсть несколько приподнимается кверху; таковы звуки **у, і, ы**.—Все эти степени раскрытия рта очень удобно наблюдать и отмечать, произнося соответствующие гласные перед зеркалом. Рекомендуется и такой простой прием: прижмите неподвижно к верхней губе под носом указательный палец; большой палец прижмите к подбородку; произносите различные гласные; вы отчетливо почувствуете, что, напр., при звуке **а** пальцы раздвинуты наиболее, т. е. нижняя челюсть наиболее опущена, рот наиболее раскрыт; при звуках **о, ɐ** и **ɵ** нижняя челюсть более поднята, рот раскрыт „средне“; а при звуках **у, ы, і** нижняя челюсть имеет наиболее высокое положение, рот раскрыт наименее.

10) Наконец, с т. зр. акустической (слуховой, тональной) гласные звуки подразделяются так: а) низкие—по резонансовому тону ротовой полости—**у** и **о**; средние—**а, ы** и **ɵ**; высокие—**е, і**.

Таковы важнейшие основания классификации звуковой классификации. Все они сводятся, обобщенно говоря, к 2 главным принципам: физико-акустическому и генетическому. Первый принцип покоится на исследовании акустических качеств и особенностей речевых звуков; второй—на выяснении способа образования и изглашения этих звуков. Насколько проста классификация звуков по акустическому принципу, настолько она сложна и дробна по принципу генетическому.

II ГЛАВА.

Процентное отношение гласных и согласных коми звуков. Вопрос о степени музыкальности каждого языка и языка коми. Подробная артикуляционно-физиологическая характеристика каждого из основных, установочных звуков коми речи (гласные, согласные сонорные и шумные; двойные согласные; слитные согласные — аффрикаты. Вопрос об аффрикате ц — тс).

Итак, для обозначения гласных звуков речи в зырянской азбуке имеются 7 букв; остальные 26 букв обозначают звуки согласные. Выходит, что букв для согласных звуков почти в 4 раза больше, чем букв для звуков гласных. Но неужели и в живой, произносительной речи сохраняется именно такое соотношение между гласными и согласными звуками? Оказывается, что нет.

Для разрешения этого вопроса мы произвели такое наблюдение. — Наудачу взяв „слухом“ из связной разговорной речи 300 слов, мы фонетически-точно „транскрибировали“ (записали) их и затем занялись подсчетом гласных и согласных в каждой сотне отдельно. В первой сотне слов оказалось 649 звуков; из них 263 гласных (приблизительно 40% общего количества) и 386 согласных (приблизительно 60%); во второй сотне слов оказалось 655 звуков; из них 271 гласных (приблизительно 40%) и 384 согласных (приблизительно 60%); в третьей сотне слов оказалось 700 звуков; из них 286 гласных (приблизительно 40%) и 414 согласных (приблизительно 60%). — Таким образом, в первой сотне слов отношение гласных звуков к согласным выражается числами 2,63:3,86 (или 2:3); во второй сотне слов — числами 2,71:3,84 (или 2:3); в третьей сотне слов — числами 2,86:4,14 (или 3:4). Беря среднее арифметическое, получаем — 2,73:3,94 или 2,7:3,9. Итак, согласных звуков в зырянской речи слышится в среднем лишь в $1\frac{1}{2}$ раза (точнее — в $1\frac{1}{9}$ раза) больше, чем гласных.

Такое соотношение гласных и согласных звуков очень близко к их соотношению в нашем, русском языке, где, по вычислениям проф. В. А. Богородицкого, согласных звуков в речи слышится в среднем (59,6%) также в полтора раза больше, чем звуков гласных. (См. его образцовый труд „Общий курс русской грамматики“. Из университетских чтений. 4 изд. Каз. 1913 г.; гл. II и III. ¹⁾).

О чем говорит такое соотношение гласных и согласных в зырянской речи? Имеет ли это какое-нибудь значение для нас? Безусловно имеет.

Дело в том, что то или другое процентное отношение гласных и согласных звуков служит одним из критериев для суждения о степени музыкальности природы языка. На гласных звуках главным образом основывается звучность и музыкальность языка; чем ни более гласных слышится в речи, тем она музыкальнее; преобладание же глухих шумных согласных над гласными (а также над сонорными и над звонкими шумными) сглаживает музыкальность и плавность, размеренность речи. Отсюда: зырянский язык

¹⁾ Цитирую по памяти и потому не указываю страниц.

принадлежит к числу языков с музыкальной природой, как и его старший брат—финский язык (кстати сказать,—необычайно богатый краткими и долгими гласными и дифтонгами, но относительно бедный согласными звуками), как, например, и древне-греческий язык, и итальянский, и французский, и русский языки.

Теперь мы позволим себе более подробно охарактеризовать с артикуляционно-физиологической стороны каждый из „основных“, „установочных“ (термин. проф. А. И. Томсона) звуков зырянской речи.

Начнем с гласных звуков. Все они—звуки звонкие, и наиболее определенно и отчетливо слышатся под ударением.

А—гласный заднего ряда, низкого подъема языка, простой, лабиализованный, произносится средним по высоте голосовым тоном с наиболее широким раствором рта и с совершенно индифферентными губами; язык с продольным углублением на спинке лежит плашмя (не горбясь и не выгибаясь) по всей длине ротовой полости, задняя его часть несколько приподнята к нёбу, кончик его касается боковых нижних зубов и при изглашении звука немножко отодвигается взад (сравнительно с „нормальным“, обыкновенным, вне-произносительным его положением); нёбная занавеска приподнята, гортань несколько опущена. Предыдущего согласного никогда не „смягчает“. Звук наиболее полный, открытый, чистый, ясный, „центральный“: па^а—ложка, па^ас^акы^а—широкий, та^аг^ат^а—блюдо, ша^аг^ат^а—рубль, абу—не, нет, да^ас—десять, ка^ад—время, ас^ак^а—завтра, карта—хлев, ар, ка^ага—ребенок, ва—вода, река...

Сочетание j + а, т. е. ja тождественно с русским я (нем. ja, лат. ia): ја^ак^ар, ја^аш^аш^ак, ја^ас^ал^аі, ја^арманга, ја^ан^аг^ам (стыд), ја^амны (убывать).

О—гласный звук заднего ряда, среднего подъема языка, простой, лабиализованный; произносится довольно низким голосовым тоном; губы принимают средне-округленную (кольцеобразную) форму и несколько выдвигаются (выпячиваются) вперед (особенно верхняя губа); задняя часть спинки языка умеренно приподнята у корня—к задней части мягкого нёба; передняя часть языковой спинки опущена; рот имеет средний раствор: до^од—сани, во^о—ночь, ко^ол^оны—остаться, но^ол, го^ос, во^ок, јо^орт—друг, ош—медведь, го^ортын, ло^ок, ко^од... Предшествующего согласного не „смягчает“. Если звуку **о** предшествует согласный j (как, напр., в словах: јо^од^і—лещ, јо^она—сильно, јо^окыш—окунь, јо^окмыл—сверток, јо^ог—сор...), то сочетание jo тождественно с русским ъ в начале слова и слога и после разделительных знаков—ъ (') и ъ (еж, прием, подъем, жите, дурачье...).

У—гласный звук заднего ряда, высокого подъема языка, простой, лабиализованный: губы, образуя узкий (впрочем, несколько больший, чем при гласных **ы**, **і**) раствор рта, округляются и весьма заметно выдвигаются вперед; язык своей опущенной передней спинкой оттягивается назад, а задняя часть его спинки наиболее высоко приподнимается к передней зоне мягкого нёба. Обычно произносится наиболее низким голосовым тоном, т. е. надставная (над гортанью и голосовыми связками) труба,—т. е. полость рта,—получается большая, широкая и длинная, но с узким воронкообразным отверстием („выходом“) впереди, а это ведет к тому, что низкие обертоны и унтертоны (побочные тона, добавочные призывания) усиливаются, а высокие обертоны приглушаются; гортань занимает самое низкое положение. Предшествующего согласного звука не „смягчает“. Комплекс—согласный j + у (т. е. ју) тождественен с русским ю в начале слова и слога и после разделительных знаков—ъ (') и ъ. Примеры: су^аса, ту^ај—путь, у^аны—спать,

кучик, куллыны—лежать. уны—падать; югыд—светлый, юны—пить, гу—могила, яма, журси—волосы, шуа, пу...

Ы — гласный звук передне-среднего ряда, высокого подъема языка, простой (одинокое мнение проф. А. И. Томсона, будто звук **ы** — двугласный — дифтонг, состоящий из слоговой и неслоговой части, мы оставляем здесь в покое), нелабиализованный, произносимый с узким раствором рта, чуть-чуть большим раствора при гласном **і**; губы щелеобразно растянуты к углам рта; язык несколько удален от передних зубов и, дорсально, или „спиочно“ (лат. *dorsum* — спинка) артикулируя, приподнимает свою среднюю выпуклую часть к нёбу, — точнее — к той его части, которая является границей между двумя основными его зонами: твердым и мягким нёбом; нижняя челюсть выдвигается вперед. Артикуляционно родственен узким звукам **і** и **у**. Обычно произносится средним по высоте голосовым тоном.

Довольно точно физиологическую природу звука **ы** вскрывает известный немецкий египтолог и лингвист К. Р. Лепсиус (1810—1884): по его словам, звук **ы** — средний между **і** и **у**, — губы при изглашении **ы** имеют положение для **і**, язык — положение для **у**... **ы** — это такое **і**, которое выговаривается с отдернутым до нёбного пункта языком.¹⁾ С этим последним положением интересно сопоставить характеристику звука **ы**, данную проф.-экспериментатором Л. В. Щербой: „**ы**... находится в интимных отношениях с **и**, которого он является как бы оттенком“.²⁾

Физиологическим родством звуков **і**, **у**, **ы** можно объяснить их постоянное чередование и переходы в различных говорах коми языка. (Примеры см. у Г. С. Лыткина, „Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык“. 1889 г. Отд. II, стр. I).

Предшествующего согласного звук **ы** не „смягчает“: **мыј** — что, **кыз** — двадцать, **тöлыг** — месяц, **татыг** — отсюда, **ывлавыв** — природа, **ылын** — далеко, **пызан**, **зырны** — теснить, **ыщкандыр** — страда, **сенокос**, **шуны** — говорить **јыв** — вершина, **шы** — звук, **кыа** — заря, **мывкыд** — ум, **мыгыны** — мыться...

От русского **ы** (гласного среднего ряда, высокого подъема языка, узкого) зырянское **ы** отличается, во-первых, тем, что образуется артикулирующим языком несколько ближе к переднему нёбу (в русском языке, вообще говоря, звук **ы** — среднего ряда; но бывают такие положения, где **ы** — даже задне-среднего ряда, — напр., в словах: **мыло**, **шить**, **было**, **жить**, **жито**, **шитокрыто**...³⁾; во-вторых, тем, что при произнесении зырянского **ы**, в особенности находящегося под ударением, рот раскрывается несколько шире, чем в языке русском. Про неударяемое зырянское **ы** (напр., в словах **обкыд**, **гöтыр** — жена, **югыд**, **пöрыг** — старый, **бёг** — огня, **олан-вылан**..., а также в

¹⁾ См. у акад. Я. К. Крота, *op. cit.*, т. I, стр. 348—9.

²⁾ „Русские гласные в качественном и количественном отношении“. П. 1912 г. Стр. 50. Срв. у проф. Д. Н. Ушакова, *op. cit.*, стр. 22: „**ы** — это, т. ск., **і**, передвинутое в среднее нёбо“... У проф. В. А. Богородицкого („Лекции“... стр. 40): „гласный **ы**... требует для своего произношения менее глубокой заднеязычной артикуляции по сравнению с **у** и такого же уклада губ и раствора рта, как при **і**, являясь, т. обр., как бы заднеязычным **і**“...

³⁾ Срв. проф. Е. Ф. Будде, *op. cit.*, стр. 111—113; проф. Д. Н. Ушакова, *op. cit.*, стр. 18, 21—24, 39—40. — Проф. А. Н. Грен неверно замечает, что в русском языке звук **ы** — „задненебного характера“, а в зырянском языке — „средненебного“ (см. его статью „К вопросу о применении латинского алфавита к языкам Коми и Удморт“ в журн. „Комі му“ 1924 г., № 3, стр. 52). Ближе к истине Найриосенга (в своей рецензии на „Самоучитель“... М. А. Молодцовой), подчеркивающий, что в русском языке **ы** — средненебный звук, а в зырянском языке — передненебный, как и во многих кавказских языках („Комі му“ 1925 г., № 6—7, стр. 73).

окончаниях инфинитива, или неопределенной глагольной формы—**тны**,—**тчны**,—**сны**,—**ссны**,—**ны**...) этого сказать нельзя.

Очень часто в зырянском языке (как, впрочем, и в русском) близкий к **ы** звук слышится „на месте“ орфографического **і** после „твердых“ согласных (обозначаемых буквами **б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ш, щ**),—хотя **і**, как мы знаем,—звук переднего ряда. Такое **іы** слышится, напр., в зырянских словах: **коді** (почти как **коды**), **шонді** (почти как **шонды**)¹⁾, **ті** (почти как **ты**), **јашшік, сіјѵ, товаріш, матінжык, асік**—обруч, **улі, сені, тані, кѵні, шыбітны, вывті**—слишком... Срв. в русском языке: стол и дом (= **стѵлыдѵм**), в избе (= **вызбѵе**), к Ивану (= **кывану**), в Италию (**выталію**), без исхода (= **безысхода**), с именем (= **сыменем**)...

Но срв. в зырянском языке **і** в роли звука, „смягчающего“ предыдущий согласный—в таких словах, как **бі, пі, ріс, гіра, мі, міча, гіжны, вір, аскі, кізер, вістала**—рассказываю, **віда**—браню; **пабріка, шпіон, запіска, прітча, суткі, опітсер**...

І—гласный звук переднего ряда, высокого подъема языка, нелабиализованный, простой, произносится с наиболее узким раствором рта наиболее высоким голосовым тоном. При изглашении звука **і** слегка растянутые в стороны губы почти соприкасаются с зубами (лишь немного от них отодвигаясь); опущенный кончик языка касается нижних передних зубов; передняя часть спинки языка, высоко артикулируя, почти соприкасается с твердым нѵбом; гортань занимает самое высокое положение. Очень часто „смягчает“ предыдущий согласный звук. Примеры: **віт**—пять, **біпур**—костер, **ід**—ячмень, **із**—камень, **чікѵз**—совсем, **сін, зарні, јурѵі, кѵјін**—волк...

В соединении с предшествующим **ј** звук **і** (= **ји**) походит на русское **и** в таких словах, как: **их, им, ими, статьи, свиньи, семьи**... (имеем в виду литературное произношение).

Е—(русское **э**)—гласный звук переднего ряда, среднего подъема языка, простой, нелабиализованный; произносится довольно высоким голосовым тоном (приблизительно на октаву выше гласного **о**) со средним раствором рта, несколько меньшим раствора при гласном **о**; губы растянуты к углам рта; несколько выпуклый язык при изглашении звука подается своей передней (точнее—передне-средней) частью вперед—к верхним передним зубам и к твердому нѵбу. В слове ему часто предшествует „смягченный“ согласный (как и русскому **е** = **јэ** в середине слова: **тесть, неважный, некого, телега, речь, печь, сечь**...) **сетны, геравны, дерт, ньеламын, ньеважѵн**—недавно, **кізер, ньекѵд**—никто; **газет, піѵнер, технікум, правітельство, клејма**... Мы уже отметили, что зырянское **е** выступает в роли то русского **э**, то русского же **е**. В начале слова и слога зырянское **е**, соединенное с **ј** (т.-е. **је**), всегда тождественно с русским **е** (нем. **je**, лат. **ie**): **јежыд, јешщѵ, јем** (иголка), **јегыр** болотный лес)... **ујезд, тріјер, појезд, курјер**...

Звук **е** может быть ненапряженным (открытым)—в положении под ударением, в конце слова или перед следующим „твердым“ согласным: **еска**—верю, **гета, верма**—могу, **Ежва**—Вычегда, **венча, те**—ты, **ме**—я, **лптыны**—поднимать, **зев**—очень, **ветлыны**—ходить, **лебач**—птица... и **напряженным** (закрытым)—в положении под ударением перед следующим „мягким“ согласным: **беѵ**—палка, **пель**—ухо, **сеѵ**—ясно, **пельѵс**—угол, **сеѵѵа**... При произношении напряженного (узкого, англ. **narrow**) **е** ощущается мус-

¹⁾ У Г. С. Лыткина везде „шонды“, а не „шонді“. Вспомним также о постоянных переходах **і в ы** и **ы в і** в различных зырянских говорах: **керіс** и **керыс, јіган** и **јыган** и т. д. (см. у Г. С. Лыткина, *op. cit.*, отд. II, стр. I).

кульное напряжение языка, губ и даже голосовых связок гортани. Ненапряженное (широкое англ. wide) произношение **ө** такого ощущения не вызывает.—Срв. во франц. языке *è fermé* („**ө** закрытое“) — напр. в словах: *aimè, allèe, considèrer, ètè, sèrieux, èconomie...* и *è ouvert* („**ө** открытое“) — напр., в словах: *père, mère, frère, ouvrière, matière, lumière...* Срв. также в русском яз. **э** напряженное — в таких словах, как, напр., эти, честь, ель, жель, шесть, мель, дуэль, этика... и **э** ненапряженное: этот, честно, ел, жест, шест, мел, дуэт, эхо...¹⁾

ӧ — гласный звук среднего ряда, среднего подъема языка, простой, слегка лабиализованный, артикуляционно близкий к звукам **ө** и **о**. При его произнесении (обычно — средним по высоте голосовым тоном) рот раскрыт несколько уже, чем при произнесении **ө**; язык артикулирует слабее, чем при изглашении **ө**. **ӧ** — это, т. ск., лабиализованное **ө**; иначе: **ӧ** — лабиализованный звук среднего ряда, соответствующий по месту образования и подъему языка нелабиализованному звуку переднего ряда — **ө** и лабиализованному же, но заднего ряда звуку **о**.²⁾

Находясь под ударением в начале слова (*ӧшн̄, ӧкмыс, ӧӧс* — дверь, *ӧтӧк, ӧӧм* — деньги, *ӧш* — бык, *кӧч* — заяц, *мӧс* — корова, *вӧв* — лошадь, *гӧр* — соха, *пӧв* — доска, *пӧг* — горячий, *гӧрд* — красный...), **ӧ** несколько напоминает, как мы уже отметили, звук, обозначаемый немец. *ö* или *oe*, франц. *eu* или *oeu* — так наз. „смешанный“ (англ. *mixed*) губно-палатальный гласный сред-

1) Напряженными могут быть и все остальные гласные в зырянской речи, — хотя эту напряженность, зависящую то от ударения, то от положения гласного звука в слове, и имеющую довольно тонкий оттенок, подметить сравнительно трудно. — Некоторые физиологи находят возможным предлагать еще одну классификацию гласных звуков — с т. зр. степени напряжения, с которым речевые органы приводятся в движение мускулами, и с которым связаны также известные звуковые разновидности. Мы, однако, воздерживаемся от этой классификации, т. к. и соответствующие материалы еще слишком скудны, и нет единства взглядов ученых по этому вопросу, а взамен того подчас выступает личное, субъективное мнение того или другого физиолога. Заметим здесь только, что по тону напряженные гласные несколько выше гласных ненапряженных.

2) В. А. Молодцов определяет **ӧ**, как „звук не уже, а шире русс. **э**; и акустически, и физиологически приближаясь к русско-у **ы**, он произносится при пассивном положении языка и губ“... (См. его статью — рецензию на „Краткий Коми-русский словарь“ Н. А. Шахова — в журн. „Коми му“ 1924 г., № 4—6, стр. 131). В другом месте (в рецензии на статью проф. А. Н. Грена, „К вопросу о применении латинского алфавита“... — „Коми му“ 1924 г., № 7—10, стр. 152) В. А. Молодцов замечает, что „**ӧ** характеризуется гораздо более низким тоном, чем русское **ы**“ и приводит число колебаний голосовых связок для того и другого звука (996 — для **ӧ**, 1156 — для **ы**; цифры получены проф. лингвистом-экспериментатором Л. В. Щербой, учителем В. А. Молодцова). По нашим наблюдениям, **ӧ** совсем не походит на **ы**, и если сближать его с каким-либо русским звуком, то уж, конечно, с **э**; в этом мы почти согласны с зыряннином В. И. Лыткиным, автором школьной грамматики зырянского языка; он прямо пишет: „**ӧ** — среднелѣнное **э** русскому **э**“... (см. его статью „Коми числительные“ в журн. „Коми му“ 1924 г., № 7—10, стр. 65); с зыряннином-филологом Г. С. Лыткиным, ставящим также знак равенства между **ӧ** и русским **э** (см. его классич. цитиров. труд, отд. II, стр. I); с зыряннином Н. А. Шаховым, замечаящим, что „при произнесении **ӧ** рот уже, чем при произнесении русского **э**“ (предисловие к „Краткому Коми-русс. словарю“, стр. 111); с Найриосенгой, относящим **ӧ** к звукам лабиализованным, и утверждающим, что „**ӧ** совсем не походит на **ы**, хотя в некоторых местностях и переходит в **ы**“ (рец. на „Самоучитель...“ М. А. Молодцова — журн. „Коми му“ 1925 г., № 6—7, стр. 73).

Что касается сближения звука **ӧ** именно с звуком **ы** и количества колебаний голосовых связок для **ӧ** и для **ы**, полученных проф. Л. В. Щербой, очевидно, с усм. самого В. А. Молодцова (своего ученика), — то мы полагаем, что где-где, а здесь проф. Л. В. Щербу легко было ввести в заблуждение, — тем более, что он не занимался ни физиологией звуков, ни фонетикой зырянского языка, не жил среди зырян и, возможно, впервые имел дело с зырянскими звуками...

него подъема языка с переднеязычно-нёбным сужением, произносимый языком для **ө**, губами для **о**. В русском литературном произношении зырянское **ö** отчасти напоминают орфографич. **ё** и **э** в некоторых иностранных словах: шедевр (франц. chef d'oeuvre), Гёте (Goethe), Бенлёв (Benloew), Сент-Бёв (Saint-Beuve) Эман (Öhman), Эртель (Örtel), Эжен (Eugène), Гёттинг (Götting), Шлёцер, Тёпфер и др.

В слоге послеударенном и во всех других положениях в слове **ö** близок к русскому **э** (без ударения) или к русскому же послеударенному **о**: порох, дорог, дёготь, лапоть... Примеры: конбр — бедняк, пельös, авсö, гашкö — может быть, бöрдöм — плач, чуко́ртны — собирать, кулöм — смерть, кымбр — облако, улös, гажтöм — скучно, важöн, о́зöм — охание, пуктös — овощи, пыктöм — опухоль...

Сочетание **jö** акустически и физиологически довольно близко к русскому узкому **ё** (= **jo**) : **jöj**, **jös**, **jöv**, **jör**, **jöla**, **jön** (релейник, чертополох, лопух), **jöктыг** (плясун)...

Обратимся к физиологической характеристике основных согласных звуков. Начнем с наиболее близких к гласным сонорных звуков. При их изглашении, как мы помним, пресобладает голосовой тон над шумом, — в то время, как при изглашении шумных звонких согласных (**б**, **в**, **г**, **д**, **дз**, **ж**, **з**, **ж**, **з**) преобладает шум над голосовым тоном. Все сонорные звуки — звонкие; из них наиболее сильными (в голосовом отношении) являются так называемые плавные **р** и **л** (с их разновидностями).

Р — звук переднеязычный альвеолярный, дрожащий (лат. vibrans), длительный. Имеет 3 основных разновидности: 1) **Р** „твердый“ (непалатальный) звук; кончик языка касается альвеол или верхней передней десны — так наз. корональная артикуляция языка, лат. согопа — верхушка, край, конец — не сбразуя, впрочем, ни плотной смычки (как, например, при звуках **d** и **t**), ни сужения (как при звуках **з** и **с**), — а загнут несколько кверху и свободно подвижен („находится на весу“), так что сперва звучащий ток воздуха, направляемый из легких, опускает кончик языка к низу, после чего тот быстро возвращается к исходному положению, вслед затем снова опускается книзу и т. д. — в результате он под напором воздуха ритмически вибрирует, дрожит, производит „раскатистый рокот“. Твердый **р** чаще всего звучит перед гласными **а**, **о**, **ö**, **у**, **ы** и **е**, перед следующим „твердым“ согласным и в конце слов: рок, регыд, пурт, гöрд, көрт — железо, шор, шыр — мышь, рыныш, садбырöм — обморок, турун — сено, бара, рыт, тыр — целый, зор — седой...

2) **Р** „смягченный“ (палатальный); для него в зырянской азбуке нет соответствующей буквы, но он часто слышен в таких словах, где за ним следует гласный переднего ряда **i** — например, черi сарiз, зорiз, рiс (срв. рыг, рыт, рыж, рытывыв — запад...); перiна, приjатно, пример, курiтны, триjер, пролетарij и под. При изглашении этого звука в общем сохраняется то же положение артикулирующих речевых органов, что и при произнесении звука **р** „твердого“; разница лишь в том, что при **р** „смягченном“ (**р'**) дрожащий кончик и передняя часть спинки языка выдвигаются несколько вперед и ударяются о твердое нёбо ближе к зубам (так наз. коронально — дорсальная или смешанная артикуляция языка), — при чем приподнятая спинка языка несколько укорачивает дрожание кончика, и потому число ударов последнего получается меньшее, чем при „твердом“ **р**.

3) Губной (двугубный, билабиальный) всегда „твердый“, звук **р**, в лингвистических трудах обычно обозначаемый греческой буквой „пси“, **ψ**

(в зырянской азбуке для него нет отдельного знака). При его произнесении губы делают плотный затвор и дрожанием („сотрясением“) пропускают наружу звучащую воздушную струю; звук этот слышится в немногих словах зырянской речи и совершенно не точно и искусственно обозначается (как и в русском языке) 3 буквами „тлр.“: тлру (или тлр-ру), тлруа, тлруе, тлруей...

Л—звук плавный переднеязычный зубной (зубноальвеолярный) боковой (латеральной—лат. *latus, lateris* бок) артикуляции. Имеет две основных разновидности—„твердую“ и „мягкую“.

1) **Л**—„твердый“ (не-палатальный) очень открытый звук слышится, напр., в словах: лы (кость), локны (приходить), ылавыв, котрала (бегаю), быдлун (ежедневно), ломтыгны (гореть), ветлыны, лыффыны (читать), лептыны (поднимать), летчыны (спуститься)... При изглашении **л** кончик языка, выгибаясь ложечкой, охватывает заднюю поверхность верхних передних зубов (корональная или концевая артикуляция), образуя тем самым полный затвор с соответствующей частью твердого нёба (как, например, при звуках **д** и **т**); а средняя часть языка, оттягиваясь от боковых зубов, образует для выдыхаемой звучащей струи воздуха свободный проход по обоим бокам языка (**л**—„двупроточный“ звук)—вдоль внутренней поверхности щек, между краями языка и верхними коренными зубами. Чем шире этот проход, тем звук **л** тверже; чем уже, тем „мягче“, палатальнее¹⁾.

2) Буква **л** обозначает звук „мягкий“, палатальный, слышащийся, например, в словах: алі (или), лагуша, ліст, клевер, лучкі (серьезно, как следует), лубб, лапкыд, чукля, гбл (бедный), зіл, летчыны (бить шерсть), жугыл (печальный), мільон, лок, бзльм, колк (яйцо)... Артикуляция звука **л** в общих чертах сходна с таковою же у „твердого“, непалатального **л**; разница лишь в том, что при **л** язык своим кончиком опущен к нижним зубам, а передняя и часть средней зоны его спинки прижимаются к переднему, твердому нёбу (коронально-дорсальная артикуляция)²⁾. — Русское **л'** (**ль**) произносится с прикосновением кончика языка к верхним зубам и альвеолам, а область касания спинки языка к твердому нёбу не столь широка.

Нужно заметить, что звук **л** в зырянской речи несколько „тверже“, чем в русской, и акустически довольно близко подходит к западно-европейскому „невеляризованному“ „несмягченному“ (в языках немецком, французском, итальянском и др.), по своей „твердости“ и „закрытости“ стоящему как бы на грани между русским „твердым“ **л** и слишком „мягким“ и закрытым русским же **л'** (срв. немец. *laden, leben, lieben, loben, lügen, lud, Voget, lö...* французск. *lampe, aller, culotte, misérable, atelier...* итальянск. *Leonardo, Lombroso, Lucaccini, lasciate, nel, parole...*). В русском языке такое **л** отмечено лишь диалектически—в части украинских говоров и в южно-великорусских говорах бывш. Новосильского уезда, бывш. Тульской губернии,—и то только после и перед **е, і, ы**: лежаты, лижко, селский, билше, тилко, сылный...³⁾.

¹⁾ Так как при произнесении звука **л** участвует и конечный отросток мягкого нёба так наз. *velum palati* (нёбная занавеска),—сближающийся с задней стенкой зёва, то звук этот должен быть отнесен к разряду так назыв. велярных или —по другим авторам—веляризованных.

²⁾ Этот звук относится к невелиаризованным, так как, в его артикуляции отросток мягкого нёба не участвует.

³⁾ Проф. Е. Ф. Будде, *op. cit.*, стр. 119 и 172.

М — звук длительный „носовой“ губной (двугубный, билабиальный). Губы плотно и по всей длине сомкнуты и тем образуют полный затвор; выдыхаемый из легких звучащий ток воздуха встречает на своем пути два препятствия: опущенную нёбную занавеску и губной затвор; чтобы преодолеть препятствие, оказываемое нёбной занавеской, он свободно направляется в обходный путь — в полость носа (отсюда и носовой оттенок звука, и его наименование носовым); почти одновременно прорывается и губной затвор. Артикуляция звука **м** очень близка к артикуляции парных двугубных согласных — звонкого **б** и глухого **п**: при этих последних нет лишь носового оттенка, и воздух, прорвав препятствие губ, устремляется наружу. (тесным физиологическим родством звуков **б**, **п** и **м** объясняется то, что и в зырянском, и диалектически в русском языке звук **м** иногда заменяется звуком **б** или **п**, и наоборот: срв. русск. — диалект. хобяк вместо хомяк, мтица — вместо мтица, мчела вместо пчела, мтаха вместо птаха, омман вм. обман, омморок вместо обморок... зырян. муравчик, муравеч наряду с буравчик...).

Примеры: мунны, мед, (пусть), пом, том, мам, кымын (сколько), мыш, (спина, горб), му (земля), ма (мед), мог (дело), мајтѳг (мыло), ѳм, мѳс, мыјла (зачем)...

Звук, обозначаемый буквой **м**, может быть и „смягченным“, палатальным — в особенности перед гласными переднего ряда **і** и **е**. Отдельной буквы для такого звука в зырянской азбуке нет, но он слышится, например, в словах: **мі**, **комі**, **міча**, **коміѳет**, **автономіја**, **міну́та**, **міртуј**, **мера**, **мерајтны**, **мельнік**, **номер**, **мілѳѳі́на**, **мілѳьон**, **коміѳѳі́ја**, **мілѳі́сіја**, **Мі́треј** (Дмитрий; срв. простонародное русское „Митрей“) ... Его артикуляция разнится от артикуляции „твёрдого“ **м**, во-первых, тем, что она осложнена участием передней части языка, направляющейся к нёбу; во-вторых, тем, что при изглашении звука **м'** плотно сжатые губы слегка втягиваются внутрь и соприкасаются своей внутренней стороной, образуя как бы небольшой бугорок. В остальном артикуляция **м'** тождественна с таковой же звука **м**.

Н — звук „носовой“ длительный переднеязычный зубной (точнее — зубно-альвеолярный). Его артикуляция тождественна с артикуляцией смычных парных звуков **д** и **т**: кончик языка плотно прижимается к верхним передним зубам и альвеолам (корональная артикуляция), образуя с ними смычку; но воздух, идя из легких, направляется в полость носа (так как нёбная занавеска опущена), — отсюда и носовой оттенок звука (при **д** и **т** занавеска приподнята, воздух идет в полость рта, и носового оттенка не получается): нуны (вести, нести), кывны (слышать), вотны, уна (много), вартан (цеп), ныв, ном (комар), комын, ныр (нос), ној (сухо)...

Очень часто (как будто чаще, чем все остальные согласные) звук **н** подвергается „смягчению“, и тогда он обозначается особой буквой **њ**.

Њ — звук „мягкий“, палатальный, встречается перед всеми гласными, а также в конце слов; перед согласными слышится значительно реже: ѳерп (нефть), ѳельамын, ѳекод, небыд, зарњі, сорњі (речь), ѳім, ѳінѳм, ѳі́га (книга), ѳањ, кањ, чањ, чуњ, піњ, пањ, ѳоль, ѳур, піѳовтны, ѳајт (грязный), кык-лањы (с двух сторон), жењыд (короткий) ... Артикуляция **њ** в общем сходна с артикуляцией его „брата“, „твёрдого“ **н**; разница лишь в том, что при изглашении **њ** кончик языка опущен к нижним зубам, а передняя и часть средней зоны его спинки прикасаются к твёрдому нёбу (коронально-дорсальная артикуляция). — Русское **н'** (**нь**) произносится с прикосновением кончика языка к верхним зубам и альвеолам, — так что область прикосно-

вления спинки языка к твердому нёбу значительно уже, чем при зырянском н.

Переходим к шумным согласным. Они, как мы помним, могут быть то звонкими, то глухими, и образуются в результате или взрыва сомкнутых органов речи (полный затвор — при взрывных звуках) или сужения между ними (неполный затвор — при звуках фрикативных х).

Б — звук двугубный (билабиальный) взрывной мгновенный, звонкий. Плотнo и по всей длине сжатые губы образуют крепкую смычку; выдыхаемый легкими воздух разрывает эту смычку; происходит громкий голосовой взрыв; нижняя челюсть слегка опускается. Примеры: бaлaббж (затылок), бaд (ивa), бaт, бeд, бeргбдны (перевернуть), бoбул (бабочка), бус (пыль), бoрд (крыло), бур, букуш (угрюмый), бyдлaыг (со всех сторон), бoрдны (плакать), бoран (после)...

„Мягкая“ разновидность звука **б** (**б'**) не обозначается средствами зырянской графики; в азбуке нет отдельной буквы для этого звука, но он несомненно слышится, например, в таких словах, как: бi, бiпур, бeлeт (билет), бiуро, бiуэжет, бiурократизм, бeсплатнeй, мобiлiзaтciя, губерня, бeзмeн, набeрушкa... (Для сравнения возьмите слова: бyдмa, нeбыд, бур, бyдлaыг...).

Артикуляция этого звука отличается от артикуляции „твёрдого“ **б**, во-первых, тем, что здесь налицо действие передней части языка относительно нёба, во-вторых, тем, что **б'** („мягкое“ **б**) требует для себя более энергичного и плотного сжатия губ, более усиленного напора воздушного тока и явно выраженного подтягивания губ к зубам.

П — глухой билабиальный взрывной согласный, являющийся парным (соответствующим) звонкому звуку **б**. Его артикуляция — точь-в-точь та же, что и звука **б**; только при произнесении **п** голосовой тон отсутствует. Примеры: пач, пaккыд, пeтны (выйти), пeс, Пeдбoр (Федор), пeмыд, пoсвoз (сени), пoн, пу (дерево), пуккыны (садиться), пурт, пыр, пывгaн, пoрыг (старик), пoрa (пора), пeщбoр (крапива), пoч (старуха), тупкыны (закрывать)...

„Мягкая“ разновидность звука **п** (**п'**) в зырянской речи слышится довольно часто, хотя на письме и не обозначается: пi, пiжaн, пiк, спiсoк, нaпiлoк, кaмпeт (конфеты), пiлa, кiрпiч, кiвeль, группiрoвкa, пepвoй (сперва), пiн, пiнa, пioнep, cкiпiдaр, пiшцaль, пiлу (осина), пiвeр (деверь), пiвбoр (пасынок)... Артикуляция **п'** тождественна с артикуляцией **б**.

В — звонкий губно-зубной фрикативный (спирант) длительный согласный, простой. Артикулируется следующим образом: верхняя часть внутренней поверхности нижней губы, прикасаясь к нижнему краю верхних передних зубов, образует небольшую щель, через которую с характерным шумом и проходит звучащий, голосовой ток воздуха. (Попробуйте произнести звук **в** или парный ему **ф**, оттянув вверх пальцами верхнюю губу, и вы поймете значение этого шума). Примеры: вaрыш (ястреб), вoй, вый (масло), cывны (таять), вaж (старый, давний), выль (новый), лунвыв (юг), вeвт (крыша), вузавны (продавать), вoрсa (играю), вyрa (шью), кoвтны (ловить рыбу бреднем), курав (собирай)...

„Мягкий“ звук **в'** в зырянской графике не имеет для себя отдельной буквы, но слышится, например в таких словах, как: вiч, вiр, вiт, вiчко (церковь), вeк (всегда), вiбoдм (болезнь), вiгaвны, вiдa, вiз (линия)... пpaвiтeльcтвo, жaвiтны (объявить), нaжбiвiтчыны (наживаться)... Щель, сквозь которую проходит звучащая струя воздуха при произнесении **в'**, образуется

верхними зубами и внутренней стороной нижней губы; помимо этого, артикуляция **в'** осложняется участием передней части языка, действующей относительно соответствующей зоны нёба.

Если звук **в** произнести без голосового тона, делающего этот звук звонким, то получится парный глухой спирантный звук **ф**, он очень часто заменяется в живой и письменной зырянской речи (в азбуке буквы **ф** нет) звуком и буквой **п** (картопель, пельшёр, петель—фитиль, грапін, плаг, порточка, гріпель, партук, піга, пундамент, патера, пѳнар—фонарь, кампет, пабріка, копей-кофе, Педѳр, Марпа...),—но все-таки встречается в нескольких словах иноземного происхождения. (Примеры—в I главе—В русском языке все слова с буквой **ф**—также заимствованные из других языков: факт, фельдшер, фитиль, флейта, фолиант, футляр, флаг, фрукт... Свой же, русский звук **ф** у нас передается буквой **в**: лавка, ров, винтовка, сноровка, вход, кровь, все, завтра, Иванов...).

„Мягкий“ звук **ф'** (= **в'** без голосового тона) слышится, например, в словах: суффікс, топографіја, фізіка, фізіологіја, фінанс, тімофеєвка... Некоторые слова—как, напр., Франция, телеграф, телефон, конференция, фальшивый, цифра, фотограф, типография, форма, февраль и др.—пишутся то через **ф**, то через **п** (явная графическая ненормальность, о которой будет еще речь впереди).

Вспомним здесь кстати, что звук **ф** сохранился (в своей „твердой“ и „мягкой“ разновидности) в ижемском говоре коми языка.¹⁾

Ж—звук переднеязычный альвеолярный звонкий фриктивный длительный, всегда „твердый“. Его артикуляция такова: рот слегка раскрыт; губы по середине несколько оттопыриваются, образуя нечто вроде своеобразной „лабиализации“; передняя часть языка, загибаясь кверху, касается верхних альвеол (корональная артикуляция), звучащая струя воздуха проходит („шипит“) по продолговатой теснине, образованной передней частью языка и нёбом. Примеры: кужа (умею), кужны, гіжа, гіжны, чож, чожиъ, жугѳдны (разбить), гожиъм (лето), кажгыны (хрустеть), чужны (родиться), гіпож (сито), жоъ (снегирь), жеб (слабый), жѳ (тоже)...

Парный звуку **ж** глухой переднеязычный альвеолярный фриктивный и также всегда „твердый“ в зырянской речи—звук **ш**. Его артикуляционное отличие от звука **ж**—только в том, что он произносится без участия голосового тона, с широко раскрытой голосовой щелью. Примеры: шуны, шог (горе), шој (труп), ырѳш (квас), чушкан (оса, жало), чышјан (платок), ышмыны (шалить), шырны (стричь), ѳшіъ, нѳшта (еще), тош (борода), шыѳѳс (крупа), шѳбді (пшеница), шабді (лен), шер (град)...

З—звук звонкий, переднеязычный зубной (точнее,—зазубной или зубно-альвеолярный) фриктивный длительный. При его произношении рот слегка раскрыт; кончик языка чуть-чуть касается передних нижних зубов; края языка касаются верхних зубов; передне-средняя часть спинки языка слегка касается твердого нёба, уменьшая свою обычную, нормальную выпуклость (корональная артикуляция языка); звучащая узкая струя воздуха проходит „продувается“, свистит) по теснине (узкому и продолговатому желобку) между выгнутым кончиком языка и верхними зубами, разбиваясь о края нижних зубов. (Вспомните произношение звуков **з** и **с** лицами, потерявшими передние зубы. (Примеры: ізны, јѳз, мазі (пчела), вузавны, зер (дождь),

¹⁾ См. Ст. В. И. Лыткина: „Некоторые следы взаимоотношений древне-русского и Коми языков“—в журн. „Коми му“ 1924 г., № 4—5, стр. 78.

зор (кол), коз (ель), зу (щетка), зыр (лопата), озыр (богатый), озые (олово), езые (серебро), оз (не, он не; земляника), јізер (град)...

Будучи лишен голосового тона, звук **з** превращается в соответствующий ему (парный) глухой спирантный звук **с** — такой же артикуляции: Са (сажа), сов (соль), сутуга (провода), аскі, сувта (встаю), весавны (чистить), пєславны (стирать), пас (знак), шыпєс (буква, знак для звука), слуда, соч (сестра), пасма (моток), сартас (лучина), шебрас (одеяло), секі (тогда), сені, чѳѳѳ сыны (грести), аскі (обруч), асыв (утро), кѳјдыс (семена)...

„Мягкий“ (палатальный) звонкий фриктивный звук **з'**, обозначаемый в зырянской графике особой буквой **ѳ**, артикулируется так же, как и „твердый“ звук **з**, — только кончик языка опущен к нижним зубам, а передняя и часть средней спинки языка еще больше приближаются к твердому нѳбу (коронально-дорсальная артикуляция), и потому щель, сквозь которую идет звучащая струя воздуха, делается еще более узкой. Русское **з'** (**зѳ**) произносится с прикосновением кончика языка к верхним губам, а область касания спинки языка и твердого нѳба значительно уже.

Звук **з'**, произнесенный без голосового тона, превращается в соответствующий ему (парный) глухой зубо-нѳбный „мягкий“ звук **с'**, обозначаемый в зырянской графике особой буквой — **г**.

Интересно то, что зырянские звуки, обозначаемые буквами **ѳ** и **г**, далеко не тождественны с русскими „мягкими“ **з**, (**зѳ**) и **с'** (**сѳ**)¹⁾, например, в словах: зима, зелень, зять, зѳв, праздник, (произносится так, как если бы было написано — празѳдник)... село, сито, сяду, сѳмга, вестник (произносится так, как если бы было написано — вєсьник)... Зырянские **ѳ** и **г** звучат с оттенком шепелявости, т. е. частично приближаются соответственно к **ж** и **ш**,²⁾ — так что должны быть акустически определены, как „средние“ „промежуточные“ между **з'** и **ж'**, между **с'** и **ш'**. Лучше всего называть их поэтому, не шепелявыми, а шепелеватыми³⁾. „более шипящими, чем русские **сѳ** и **зѳ**, более свистящие“ (В. И. Лыткин⁴⁾). Артикуляционную разницу между зырянскими **ѳ** и **г** и русскими **зѳ** и **сѳ** (**з'** и **с'**) кратко, но точно и верно определяет тот же В. И. Лыткин: „Коми **г** и **ѳ** — средне-твердо-нѳбные спиранты, образуемые без участия кончика языка (кончик языка опущен к нижним зубам). Русские **сѳ** и **зѳ** — передне-твердо-нѳбные спиранты, образуемые с участием кончика языка...⁵⁾“.

¹⁾ Как это уверяет в своем „самоучителе“ М. А. Молодцова и вместе с ней, стало быть, редактор „Самоучителя“, В. А. Молодцов (стр. 5). — Такая же неточность допущена и Н. А. Шаховым, ставящим знак равенства между зырянским **г** и русским **сѳ**, зырянским **ѳ** и русским **зѳ** („Словарь“, стр. III). Еще ранее такую же оплошность допустили: Г. С. Лыткин (op. citat., отд. II, стр. 1), Н. П. Попов, П. И. Савваитов, Ф. И. Видеманн и ряд др. зыряноведов.

²⁾ Называемым часто (по слуховому впечатлению) „шипящими“; звуки же **з** и **с** часто называются „свистящими“.

³⁾ Срв. характеристику **ѳ** и **г** у В. И. Лыткина в его статье: „Некоторые следы...“, стр. 79.

⁴⁾ Цитиров. статья, стр. стр. 78.

⁵⁾ Цитиров. ст., стр. 79. — Заметим здесь же, что переднеязычные альвеолярные русские звуки **с**, **з**, **с'**, **з'**, а также **ш** и **ж**, по терминологии шведского языковеда — физиолога звуков, проф. И. А. Лунделля являются зазубными, или постдентальными, т. е. образуемыми на задней поверхности верхних зубов (сюда же он относит и звуки **т'**, **д'**, **н'**, **л'**, **р** и аффрикаты **ч**, **ц** и **дж**). — Срв. классификацию согласных звуков в цитир. книге проф. Е. Ф. Будде, где звуки **т**, **д**, **с**, **з**, **д'**, **с'**, **з'**, („мягкие“) отнесены к разряду зубно-нѳбных смягченных, звуки **т**, **д**, **с** и **з** („твердые“) — к зазубным, а звуки **ж**, **ш**, **р** и **ч** — к альвеолярным (стр. 106 и 115).

При этом необходимо, точности физиологической акустической ради, отметить, что шепелеватый характер зырянских **џ** и **ѣ** особенно отчетливо сказывается в тех случаях, когда за этими звуками следует одна или две глухих согласных (**к, п, т** и др.); менее отчетлив шепелеватый нюанс этих звуков тогда, когда за ними следуют звонкие согласные (**б, г, д, л, р** и др.); или когда **џ** и **ѣ** находятся в самом конце слова; еще менее шепелевают зыряне, когда за **џ** и **ѣ** следуют гласные, наиболее звонкие звуки. Вот несколько примеров: 1) слова с наибольшей шепелеватостью **џ** и **ѣ**: **вістала**, **лыстны** (осмелиться), **богтны** (взять), **востыны** (открывать), **векыд**, **містѣм** (некрасивый), **тасті**, **пакыд**... 2) слова со „средней“ шепелеватостью: **відчыны** (ждать), **уѣны**, **уѣны**, **вігны** (болеть), **џмена**, **ѣвер**, **пігмѣ**, **казытны**, **јаглы**, **празык**, **сквоѣнак**, **разведка**, **пыѣ** (мука), **лыѣ** (лыжи), **оз поѣ** (нельзя), **Іѣва** (Ижма), **сетыѣ**, **гырыѣ**... 3) Слова с наименьшей шепелеватостью: **гетны**, **џыла** (пою), **серала**, **караџн**, **венѣа**, **шенѣыны** (удивляться), **тусапу** (можжевельник), **сікт**, **сінтѣм**, **пукысны**, **ѣбрѣн**, **коѣн**, **џојны**, **сурс**, **џо...**

(В русской речи шепелявость присуща лишь отдельным индивидуумам и рассматривается, как тератология звука).

д — звук звонкий переднеязычный зубной (зубно-альвеолярный) взрывной, мгновенный¹⁾ Смычку образует кончик языка, прижимающийся к верхним передним зубам; средняя часть языка уменьшает свою обычную выпуклость (корональная артикуляция языка)²⁾; звучащий воздушный ток, направляясь к выходу, разрывает образованную кончиком языка смычку; раздается звонкий звук **д**, нижняя челюсть немного опускается. Примеры: **дорті**, **дас**, **дыр**, **дуб** (пресный), **дул** (слюна), **дугыны** (дуться), **долыд** (веселый), **доз** (посуда), **срдлы** (ребро), **дом** (узда), **дыгдыны** (перестать), **тѣдны** (знать), **код**, **кад**, **џон** (цена), **длѣдны** (запретить), **јоді**, **лудік** (кноп), **ыжыд** (большой), **гід**... В связной речи в конце слова и перед следующим глухим звук **д** довольно часто приглушается, т.-е. обращается в соответствующий (парный) ему глухой звук **т**: **југыд туј**, **ѣкыд**, **пыѣа**, **быдтор**, **содтан** (дополнение), **пемыд туж**, **ыжыд**, **пывѣан** и т. д. **д** приглушается также и в том случае, если за ним следует всегда глухой согласный (**џ; ш, щ**): **велѣдчыны** (учиться), **пѣдраджік** и под.³⁾

„Мягкий“ звонкий мгновенный звук **д'**, обозначаемый в зырянской графике особой буквой—**ѣ**, артикулируется в общем также, как и „твердый“ звук,—только кончик языка опущен к нижним зубам, а передняя и часть средней спинки языка прижимаются к твердому нѣбу (коронально-дорсальная артикуляция).—Русское **д'** (**дѣ**) произносится с прикосновением кончика языка к верхним зубам и даже альвеолам; область касания спинки языка и твердого нѣба значительно уже, чем при зырян. **ѣ**.

Примеры: **ѣерт**, **лыѣѣыны**, **доѣ**, **саѣ** (трезвость), **уѣтны** (успеть), **даѣ** (санки), **гаѣ** (пузырь), **канѣдат**, **орѣр**, **неѣлѣ**, **ѣѣтіна**, **сваѣба**, **ѣѣнга**, **ѣіван**, **раѣо**, **суѣѣа** (судья), **ѣаѣ** (дядя), **угоѣѣѣ** (угодяя), **наѣѣја** (надежда), **мудѣр**.

¹⁾ По терминологии проф. А. И. Лунделля, „постдентальный“, зазубный (лат. post— после, за; dentalis—зубной, от dens dentes зуб).

²⁾ Зубным этот звук является в языках русском, немецком, французском, итальянском; в языке же английском он произносится не на зубах, а на верхне-челюстных луночках или ячейках, альвеолах, т.-е. является альвеолярным, десновым звуком. В зырянской речи, по нашим наблюдениям, этот звук артикулируется, как и в русском, т.-е. на задней поверхности верхних передних зубов.

³⁾ Подробно о приглушении звонкого (как и остальных звонких согласных) мы намеренно не говорим здесь, т. к. этот процесс должен быть объектом внимания *par excellence* не физиолога, а фонетика.

(хитрый, мудрый)... Звук этот встречается большей частью в словах заимствованных и лишь сравнительно редко в исконно-зырянских словах.

Безголосый звук **d** тождественен со звуком, обозначаемым буквой **t**: артикуляция этого последнего—та же, что и звука **d**; разница лишь в том, что при произнесении **t** голосовой тон отсутствует, и ток воздуха проходит через широко раскрытую щель. Примеры: *тані*, *талун* (сегодня), *тамыш* (близорукий), *гета*, *тенад* (твой), *туж*, *тулыс* (весна), *гöтыр*, *гозт* (дом; гроб), *салтыр*, *тöрыт* (вчера), *торкöдны* (стучать), *лептыны* (поднимать), *увтны* (лаять), *рыт*, *вот* (налог), *вöт* (сон)...

„Мягкий“ звонкий звук **d'** (**ѳ**), будучи лишен голосового тона, превращается в соответствующий (парный) ему глухой звук **t'**, обозначаемый в зырянской азбуке особой буквой—**ѳ**; *бат*, *öтi*, *нöтi* (нисколько), *ѳат*, *ičöтiк* (маленький), *атöд* (благодарю), *шпiјатер* (цинк), *ѳеш* (смех), *ѳурны* (покатиться), *ѳавкан* (грач), *ѳурк* (ртуть), *ѳертuka* (терка); *технiкум*, *правiтельство*, *партiја*, *кöбтер*, *сантiметр*, *ѳелега*, *суґага*, *куту* (щенок, кутенок) *кöѳ* (хоть), *аптека*, *актiв*, *артель*, *öтiк*, *патера* (квартира; срв русск. фатера), *петель*, *ѳест*, *сватѳа* (сватья), *кутѳа* (кутья)... В исконно зырянских словах буква эта употребляется очень редко. Артикуляция зырян. **ѳ** отличается от артикуляции русского **t'** (**ть**) тем же, чем зырян. **л**, **н**, **г**, **ѳ** и **ѳ** от русск. **л'**, **н'**, **с'**, **з'** и **д'**.

Jj—всегда звонкий средне-язычный средненёбный, всегда палатальный („мягкий“) согласный фрикативный звук. При его произнесении получается сужение, образуемое поднятием выпуклой спинки средней части языка к средней части нёба (дорсальная артикуляция), и звучащая струя воздуха, направляющаяся из гортани в полость рта, должна поэтому пройти не свободно (как при гласных звуках), а через узкую щель между нёбом и языком. По способу своего образования близко подходит к гласному **i**, от артикуляции которого отличается только большею степенью сужения щели, характерной для всех фрикативных звуков (а большая узость щели дает преобладание шуму над голосом,—тогда как расширение щели дает преобладание голосу над шумом). В словах заимствованных и „озырянненных“ **j** всегда несколько „смягчает“ предующий согласный звук: *зарjадiтны*, *бjуро*, *запjатаja*, *матерjал*, *семjа*... Но: *кöкjамыс*, *кодjыны* (копать), *вiрjувыг* (кровопийца), *панjыны* (перебегать), *чужjавны* (толкать), *вешjыны* (сторониться), *вiтлунjа* (пятидневный), *гозjа* (парный), *быгjа* (пенистый)... Во всех этих словах **j** не „смягчает“ предшествующего согласного).

j входит в состав „двойных“ букв, служащих для передачи русских **я**, **ю**, **ѳ**, **ѳ** (*ja*, *ju*, *je*, *jo*); примеры см. выше. Срв. чисто-зырянские слова: *јар*, *јажавны*, *јамны*, *јандыны*, *јегыр*, *јельдöр*, *јем*, *јемва* (р. Вымь), *јог*, *јокыш*, *јольк* (гололедица), *јус* (лебедь), *јурбiтны* (молиться), *јурлöс* (подушка), *јурөйгүгө* (стрекоза)...

Другие примеры на употребление **j**: *наjö*, *туj*, *јöз*, *каjны* (подниматься), *ловjа* (живой), *куjыны*, *јöв* (молоко), *јöj* (глупый, сумасшедший), *корjаскö* (иногда), *лыjны* (стрелять), *јыв*, *јiрк* (поголок), *јi*, *доj*, *аj-мам* (родители, отец—мать), *саjын* (позади).

В соединении с гласным переднего ряда **i** (**ji**) среднеязычный звук **j** становится переднеязычным,—точнее, передне-среднеязычным (срв. русское **и**—**ji** в литературном произношении слов: *их*, *им*, *ими*, *семьи*, *кельи* и т. п.).—В словах *куjim* и *сijö* **j** скрадывается в произношении, хотя и обозначается на письме (оправдание этому см. у В. А. Молодцова, „Некоторые принципы“..., стр. 7). Срв. однако у Г. С. Лыткина везде *куim* и *сыö*—без **j**.

Г—звук заднеязычный (не гортанный!) задненёбный звонкий взрывной, мгновенный согласный. Артикулируется так: задняя часть языка своей выкруткой спинкой прижимается к мягкому нёбу (*velum palati*), расположенному над нею, и тем образует плотную смычку (затвор); выдыхаемая звучащая струя воздуха, образуемая (как всегда) дрожанием голосовых связок в гортани, мгновенно и с шумом прорывается сквозь плотный затвор; получается велярный (лат. *velaris*—от *velum palati*) звук **Г**—„твердый“, „несмягченный“ в сочетании с гласными **а, о, у, ө, ы**, а также с „твердыми“ согласными и в конце слов. Примеры: **гырыг**, **гортын**, **кага**, **гу**, **гыны** (двигаться, волноваться), **гажа** (веселый), **грезд**, **гез** (канат), **гоз** (парочка), **гож** (загар); **гуркбс** (крутой), **гаг** (насекомое), **отсбг** (помощь), **гач** (брюки), **гудыр** (мутный), **гормбдчан** (кочерга), **гага** (камешек), **гбрны** (пахать), **гбгбровны** (понимать), **гбгбг** (кругом)...

Для палатального „мягкого“ **Г'** в зырянской азбуке нет отдельной буквы, но он несомненно слышится как в чисто зырянских словах (**гйжны**, **гид**, **гйбдны**—щекотать, **гйрыны**—смеяться, **гйжтас**—черта, **гйрыны**—скрести. .), так и—гораздо чаще—в словах заимствованных **гймн**, **гйра** (гиря!), **агент**, **генерал**, **кольегйжа**, **сельгй** (сельди), **валегй** (валенки), **агитатсйжа**, **гйдра**, **гйпс**... (Для сравнения произнесите: **гы**—волна, **гым**, **гырыг**, **гыж**—ноготь, копыто, **гылыд**—скользкий, **гыбг**—иней, **гыч**—карась и под.). Положение речевых органов при изглашении „мягкого“ **Г'** в общем то же, что и при произнесении звука **Г**—только при **Г'** смычку (затвор) с нёбом образует не задняя, а средняя (точнее,—задне-средняя) часть языка. Вот почему некоторые лингвисты и относят звук **Г'** к средненёбным „смягченным“ согласным, и различают не две, а 3 разновидности звука **Г**: 1) заднеязычное, задненёбное „несмягченное“ **Г** (в сочетании с гласными заднего ряда **а, о, у** и с „твердыми“ согласными); 2) среднеязычное средненёбное „несмягченное“ **Г** (звучащее в связной речи в том случае, когда одно слово оканчивается на **Г**, а следующее за ним начинается с гласного переднего ряда **ө** или **й**) и 3) переднеязычное средненёбное „смягченное“ **Г** (звучащее в тех случаях, когда в слове за **Г** непосредственно следует **й**—звук, наиболее часто „смягчающий“ предыдущий согласный.¹⁾

Если велярный звук **Г** произнести без голосового тона, без дрожания голосовых связок и воздушного столба гортани и ротовой полости, то получится также велярный звук **К**—глухой, парный звонкому **Г**. Его артикуляция тождественна с артикуляцией звука **Г**, и он является „твердым“ в конце слов, а также в сочетании с другими „твердыми“ согласными и с гласными **а, о, у, ы, ө**, реже с **ө** и особенно с **й**: **кыв**, **кужа**, **локны**, **кад**, **код**, **куд** **йукмбс**, **йбктбм** (танец), **вок**, **кок** (нога), **корны** (просить), **кар** (город), **кыкыг** (дважды), **куртчавны** (кусать), **квэйт**, **кын** (незрелый), **комй**, **комын**, **сук** (густой)... **кулытны** (хулить), **кватлавны** (хватать), **куритны**...

Для палатальной, „мягкой“ разновидности звука **К**—**К'** в зырянской графике нет отдельной буквы,—хотя этот звук слышится и в некоторых чисто-зырянских словах (например, **кй**, **керка**, **аскй**, **кйзер**, **керавны**, **кер**, **лучкй**, **кйрыны**—хрипеть, **кйг**—пуговица, **кймыны**—созреть... для сравнения возьмите: **кыг**, **кыз**, **кыв**, **кымбг**, **кык**, **ббкыд**, **кор**—когда, **кулбм**, **кукань**—теле-нок...), и—гораздо чаще—в словах иноземных, — в частности, заимствованных из русского языка: **кйтрей**, **зататкй**, **скйдка**, **кйнжал**, **чулкй**, **суткй** океан.

¹⁾ См., напр., проф. Е. Ф. Будде, *op. cit.*, стр. 105, 106, 108 и 115; проф. А. И. Томсона, *op. cit.*, стр. 192 и 200.—Такие же 3 разновидности эти лингвисты различают и для звуков **И** и **Х**.

мов в зырянской речи, обратимся к вопросу о так наз. „удвоении“ согласных (как „твердых“, так и „мягких“).—Известно, что в зырянской письменной речи встречаются такие сочетания букв, как, скажем, *вв*, *дд*, *жж*, *йй*, *лль* и под. Сюда же надо отнести и такие сочетания, как *дж*, *жж*.

Вот примеры: кыввоэ (предисловие), раммыны (присмиреть), шоммыны (прокиснуть), дульлыны (слюнуть), колльбны (прожогать), мынны (освободиться), чинны (убывать), пыффи (вместо), доффааны (запрячь), атть, бытть (будто), рујјавны (медлить), жујјавны (отлынивать), мыгыны (мыться), кйгыны (литься, сыпаться), каттыны (наматывать), кампаньё, правленьё, кутта, паччёр (верхняя площадь печки), вуттыны (донести)... југыжык (светлее), пуджын (полпуда), кедзыны (пьянеть), адзыны (увидеть), мед-воэа (самый первый)...

Как же спрашивается произносятся звуки, соответствующие таким сочетаниям одинаковых букв? физиология звуков даст нам ясный ответ на этот вопрос.

Дело в том, что с точки зрения физиологически речевой никакого удвоения „твердого“ или „мягкого“ согласного звука в действительности не бывает (противоположное пытался было доказать — но неудачно — шведский филолог Л. Ф. Леффлер в 70-тых годах 19 столетия); есть лишь особый способ произношения подобных звуков, обозначаемый на письме удвоением соответствующих букв. Если мы пишем: сынны сегда, лыффыны, нырроэ (ноздри), жульлыны (разбить), касса, программа, Наталля и т. д. — то это вовсе не значит, что и в разговорной речи мы сначала должны произнести звук, соответствующий первой букве, а затем такой же звук, обозначаемый такой же второй буквой. Начертание двух одинаковых, рядом стоящих букв показывает только, что при произнесении соответствующего звука (не звуков!) должно иметь место удлинение (или растяжение) его, если он принадлежит к разряду длительных (*в, ж, з, ь, с, в, ш, ј, а* также *л, м, н, р*...); если же он относится к звукам смычным или взрывным (мгновенным) — *д, бб, б, г, к, п, т, ь*, а также *жж, ч, щ* и *з* — то при его изглаголинии сперва соответствующим речевым органам дается положение, необходимое для образования смычки (полного затвора); этот уклад речевых органов и эта смычка несколько задерживается, а потом (после некоторой паузы) прорывается, как и всегда (напр., *мун ны, стаь-та-статья, рај-јон, аскоф-фем—сверстники, пач чёр, несчаг еб—несчастье, группировка, тер рор, дуль-лыны, кыз-зб*...). Таким образом, то, что обозначается двумя одинаковыми буквами для взрывных звуков (*дд, тт, кк, гг, бб, пп*...), представляет собою паузу на затворе (смычке) + один соответствующий звук *д, т, к, г, б, п*...). Более сильный (в сравнении с обыкновенными звуками *д, т, к*...) (взрыв при удвоении согласного объясняется именно более продолжительной паузой на затворе, его, так сказать, большей выдержкой, во время которой в полости рта воздуху накапливается больше, чем обычно. Легко видеть, что в данном случае разделение слога (слогораздел) падает не на грань между гласным и согласным (не *сы-ны, му-ны, ку та, ко-неј*...), не перед согласным, а на этот самый согласный (*сын-ны, мун-ны, куь-та, хон-неј*...¹⁾).

¹⁾ Такое единственно правильное объяснение „удвоения“ согласных восходит к имени известного венского физиолога, профессора и академика Э. Брюкке (см. наприм., об этом у Я. К. Грота, *op. cit.*, т. I, стр. 351, и т. II, стр. 289 и 290).

Такое фонетическое явление и принято (конечно, чисто-условно) обозначать во всех главнейших европейских языках, (немецком, французском, английском и итальянском) написанием одной и той же буквы два раза сряду. Это же мы видим и в зырянском, и в русском языках.

Во всех подобных примерах мы имеем с точки зрения временной несомненную долготу согласных звуков (как взрывных, так и сонорных, и фрикативных), обозначаемых двумя сряду одинаковыми буквами. Стало быть, учение школьных грамматик о том, что краткими и долгими (а также полудолгими, сверхдолгими и т. д.) могут быть только гласные звуки, является совершенно несостоятельным.

Наконец, остановимся несколько на физиологической характеристике так называемых слитных (сложных) согласных. Их общее наименование — аффрикаты (лат. affricatae, от fricare — тереть, ad-fricare — притирать; аффрикаты — собственно „притертые“ звуки). Аффриката — это слитный согласный звук, получающийся при соединении взрывного (смычного) согласного с соответствующим ему по месту образования и однородным по участию голосового тона фрикативным (придувным). Первый из сливающихся звуков аффрикаты (смычной или взрывной) всегда произносится с несколько ослабленной артикуляцией. Аффрикату не надо путать с группой согласных, являющейся результатом сочетания звуков, — тогда как аффриката происходит вследствие слияния звуков.

В зырянской речи аффрикативными являются звуки, обозначаемые 4 буквами: ж, з, ч, щ. (Сюда должно присоединить также аффрикативный звук, обозначаемый русской буквой ц — она иногда встречается в зырянских текстах).

Звонкая альвеолярная (корональной артикуляции языка) всегда „твердая“ аффриката ж состоит из быстро сменяющихся в произношении двух „твердых“ согласных звуков: ослабленного d и ж, — так что ж приблизительно = русскому (дж). Аффриката (дж) часто слышится в украинской и белорусской речи: джерэло — жерло, виджу, саджала, ураджай, выходжу, паходжу, и т. п. (Как видим, состав этого звукового комплекса входят — звонкий переднеязычный зубно-альвеолярный (корональной артикуляции) взрывной мгновенный согласный d и соответствующий ему по месту образования звонкий, также переднеязычный альвеолярный (также корональной артикуляции) фрикативный длительный ж. С т. зр. выявления своей подлинной физиологической природы аффриката ж (как, впрочем, и все остальные аффрикаты) несомненно должна быть отнесена к взрывным мгновенным звукам, так как при попытке „протянуть“ ее мы уже получаем один звук — ж (стало быть, аффриката ж „сама собою“ является только в первый, „взрывной“ момент своего произнесения, а потом от нее остается только ж: дж — жжж... 1).

Вот в качестве примера несколько слов с этой аффрикатой; жаг (петля, узел), жаж (полка), жек (стул, сиденье), жеңыд (короткий), жіан (си-ница), жо́ж (пол), жужыд (высокий, глубокий), жум (омут), жуждбны (углублять), жыңжан (колокольчик), жың (половина), унжык (больше), уж (труд)...

Палатальная („мягкая“) аффриката з (дорсальной артикуляции языка) состоит также из двух звонких согласных: переднеязычного взрывного

1) Вот почему мы совершенно несогласны с Найриосенгой в том, что „аффрикаты ж, з и щ не могут быть взрывными, как разновидности звуков ж, з и ш“ (цитир. ст., стр. 73); ссылка на А. М. Белля здесь совершенно напрасна и никчемна: эти аффрикаты вовсе не разновидности звуков ж, з и ш и не группа согласных...

„мягкого“ **д** и соответствующего ему по месту образования фрикативного длительного звука, близкого к **з'** (**з** „мягкому“). Обозначение **дз'** вместо **з** (у Г. С. Лыткина, Н. П. Попова, Ф. И. Видеманна и некоторых др. лингвистов **дз'** или **dz** (все—таки далеко от точности, так как если первый компонент (**д**) передан здесь более или менее точно, то второй звучит, строго говоря, вовсе не как **з'**, а как звук дребезжащий, близкий к зырянскому **з** (шепелеватому), средний между **з'** и **ж'**: **зёбны** (прятать, хоронить), **зёскыд** (тесно), **зёк** (совсем), **зёзгыны** (жужжать), **кызё** (кроме), **зёржавны** (озираться), **зёзёг** (гусь), **зёзёс**, **зёзёв** или **зёзёв** (ящерица), **зёртны** (скрипеть), **адзёны**, **кёзёд** (холод), **лебзёны** (летать), **музёны** (уставать), **кёзёны** (сеять), **сёз** (так), **вёз** (пожня), **зёрёз** (цвет), **вёзза** (передний)...

(Интересно отметить, что аффрикаты **з** и **ж** встречаются только в исконно-зырянских словах: это—так сказать, специфически-зырянские аффрикативные звуки).

Аффрикату **з** несколько напоминают аффрикаты **дз**, **д'з'** и **д'ж'** в украинской и белорусской речи: срв украинский **дзвін** (звон), **дзмі́й** (змея), **ро́д'ж'у**; белорусский **д'з'ень** (день) **д'з'ед** (дед), **сяд'з'і** (сядь), **і́д'з'ець** (идет), **гляд'з'іць** (глядит), **д'з'еры** (двери), **д'з'ве** (две)... В русском литературном произношении аффриката, частично подобная зырянской **з**, является не как самостоятельный звук, способный начинать собою слово, а лишь в живой, разговорной связной речи, в словосочетаниях; например: фразу: (овец было много) мы произносим так, как если бы было написано: „ав'эдз была мно́гá“; фразу: „печь была здесь“ произносим, **п'эд'ж'** была **з'д'эс'** ¹⁾; фразу: „отец болен“ мы произносим: „от'эде бо́лін“ „дочь больна“ произносим: „до́б'ж' бал'на́“ ²⁾; слова сочетание: „ночь была тюрьмы черней“ (А. С. Пушкин, „Гусар“) произносим: „но́д'ж' была т'ур'мы чі́рн'э́“ и т. д. Таким образом, произносимым в связной речи русским аффрикатам **дз**, **д'з'** и **д'ж'** графически соответствуют буквы **ц** и **ч**.

Глухая (безголосая) аффриката, обозначаемая в коми графике буквой **ч**, тождественна с русской переднеязычной альвеолярной аффрикатой **ч**, и также, как и в литературном русском языке, в зырянской письменной речи обозначает всегда „мягкий“ звук (диалектически в русском языке известно **ч** „твердое“ **ч** = **тш**: например, в некоторых уездах Казанской губернии, а также на Украине и в Белоруссии говорят: чистый = тшыстый, чай = тшай, чугу́н = тшугун, число = тшысло, тшас, тшорт...). В состав этой аффрикаты входят два компонента: „мягкий переднеязычный глухой взрывной **т'** и соответствующий ему по месту образования, также „мягкий“ переднеязычный глухой фрикативный (придувной) **ш'** (и'ш'). Сочетание **тё** (т. е. „мягкое“ **т** + шепелеватое „мягкое“, же **ё**) передает звуковое значение **ч** довольно точно.

При изглашении **ч** уклад речевых органов для ослабленного взрывного звука **т'** быстро, без всякой паузы сменяется укладом для соответствующего ему фрикативного **ш'**,—при чем оба уклада сопровождаются характерным для „мягкой“ артикуляции звуков сужением между передне-средней частью языка и нёбом. С артикуляцией звука **т'** мы уже познакомились; „мягкий звук **ш'** артикулируется так; рот немного раскрыт, кончик языка касается нижних передних зубов (дорсальная артикуляция), спинка языка приближается к твердому нёбу и тем самым образует узкую щель, сквозь

¹⁾ Примеры берем у проф. Е. Ф. Будде, *op. cit.*, стр. 118.

²⁾ Примеры из названной книги проф. Д. Н. Ушакова, стр. 33.

которую и проходит выдыхаемая легкими воздушная струя.—Срв. произношение слов: чарла (серп), чард (молния), чаг (щепка), чер, чері, черан (паук), чікыш (ласточка), чіпсыны (пищать), печік (щелчок), сырчік (трясогузка), чотны (хромат), чочкѡм (аккуратный), чорыд (твердый), чѡскыд (вкусный), чѡрс (веретено, ось), татчѡ (сюда; произносится, как „тачѡ“), чѡд (черника), чуксавны (знать), чукчі (глухарь), чуж (солод), чуколь-муколь (зигзаг), чышкыны (подметать), летчыны, чышжан, лебач, лач, пѡч, роч... јачејка, гречуга, ласіча, печат, часі, учреждѣннѡ, порошокіча (пороховница)...

Глухая альвеолярная (корональной артикуляции языка) аффриката зырянской речи, обозначаемая буквой **щ**, вовсе не тождественна с русским звуком, обозначаемым такой же буквой¹⁾. В коми графике буква **щ** обозначает всегда „твердую“ аффрикату, состоящую из двух звуковых компонентов: „твердого“ переднеязычного зубно-альвеолярного взрывного мгновенного **т** и соответствующего ему по месту образования „твердого“, также переднеязычного альвеолярного фрикативного длительного **ш** (т. е. **щ** = **тш**, или „твердому“ **ч**²⁾).

С артикуляцией этих звуков мы уже познакомились.

Срв. произношение и написание слов: щак, щаж (чай), щап (гордый), иаща (сорока), щель (щель), ныршік (вожатый), шѡкыд (частый), шѡщ (вместе), шѡг (жирный), пішѡг (пазуха), кушѡм (какой), шыкны (портиться), щын (дым), ышкыны (косить), лащкѡс (коренастый), ыш (мох), кыш (круг, обод), гащ (навзничь)... Сочетание **шщ** обозначает звук, довольно близкий к долгому „твердому“ согласному **шш**: пішщаль, плошщад, тѡшща, служашщей, тѡварішщество, мошщѣнык, јашщік, ѡшщѡпек (ощепок), јешщѡ...

В русском же литературном языке, как известно, буква **щ** обозначает не что иное, как долгий, всегда „смягченный“ согласный звук **ш'** (= **ш'ш'**): щавель, щит, щепка, щука, щеголь, площадь, теща, товарищество, служащий... Диалектически—например, в Казанской, Костромской, Вятской и др. северных губерниях—известно в русском языке и **щ** = долгому твердому **шш**: пишша, ешшѡ, ѡпшщѣство, рѡшша, мѡшшны, тѣшша, шшыт, шшэль, шшука, јашшык, шшы... По другим авторам (например, профессора С. К. Буличу), произнесенное **щ** = **ш'ч'** = **ш'т'ш'**; но компонент **т'** здесь совершенно излишен, т. к. в речи он вовсе не слышится. Наконец, некоторые неточно отождествляют звук, обозначаемый русской буквой **щ**, с тремя слитно произносимым **штш** (см., например, С. И. Абакумова, „Учебник

¹⁾ В. А. Молодцов, всячески ратободствуя за „свой“ шрифт, упрекает Н. А. Шахова в том, что тот насчитывает только 3 новых буквы в его, Молодцовской, азбуке—для обозначения особых звуков, не имеющих в русском языке: **ж**, **ч** и **ѡ**. В. А. Молодцову хочется, чтобы таких букв насчитывали не 3, а 4; вот, впрочем, его подлинные слова: „совершенно новых, сравнительно с русским языком, звуков зырянский язык насчитывает не 3—**ж**, **ч**, **ѡ**, а 4 (вместе с **щ**)“... (См. его реценз. на „Краткий коми-русский словарь“ Н. А. Шахова—в журн. „Комі му“ 1924 г., № 4—6, стр. 131). Тут—явное недоразумение, основанное на несчастном и непростительном смешении понятий о звуках и буквах (на это смешение, как известно, жаловался еще древне-латинский грамматик Прициан; отождествлять или путать звуки и буквы—все равно, что путать или отождествлять тона и ноты, слышимое с видимым, ухо с глазом): букву—то-щ В. А. Молодцов безусловно заимствовал из русского шрифта (а ведь это и хочет сказать Шахов); а зырянских звуков—то, совершенно новых сравнительно с русскими: не 3 и не 4, а может быть, гораздо больше, и вовсе не В. А. Молодцов ввел их в зырянскую речь... С таким же правом В. А. Молодцов мог бы приписать себе честь введения в зырянскую азбуку и буквы **е**: ведь она у него обозначает далеко не всегда русское **е**...

²⁾ Вспомните обозначение „твердого“ **ч** (= **тш**) у немцев (**tsch** = **тш** (и французов) **tch** = также нашему „твердому“ **тш**).

русской грамматики". 4 изд. 1926 г. Стр. 8.—Срв. проф. Н. С. Державина, „Учебник русской грамматики. Опыт научно элементарного курса. I. Основы фонетики и морфологии“. 3 издание 1919 г., стр. 13,—где щ приравнивается к шч¹⁾. Мы видим, таким образом, что звуки, обозначаемые в зырянской и русской графике одной и той же буквой, далеко не тождественны—ни акустически, ни физиологически.

Из современных зырянских авторов более или менее точно передает звуковое значение аффрикаты щ Н. А. Шахов (в своем предисловии к „Краткому коми-русскому словарю“, стр. III); Найрисенга в своей рецензии на „Самоучитель“... М. А. Молодцовой (Коммуна 1925 года, № 6—7, стр. 73) совершенно не точно считает щ „смягченным“ (мульвированным) ч с легким сжатием гортанной щели; мы видели, что ч в зырянской речи всегда звучит „мягко“, а щ обозначает вовсе не смягченный мягкий, а твердый аффрикативный звук с довольно крепкой смычкой и с резко выраженным взрывом.

В „Кратком самоучителе зырянского языка“ М. А. Молодцовой определение аффрикат ж, жч и щ ничего не говорит ни уму, ни сердцу начинающего изучать зырянский язык (а таких лиц „Самоучитель“ пренебрегает и должен иметь в виду); в самом деле: по мудрому определению автора, „ж—это взрывчатый, соответствующий придумному ж“, „жч—взрывчатый, соответствующий придумному жч“, „щ—взрывчатый, соответствующий придумному ш...“ (стр. 5). Но, во-первых, не „взрывчатый“, а взрывной (взрывчатыми по-русски обычно называют особые вещества, химические составы, снаряды и т. п., но не речевые звуки; лингвистика давно уже облюбовала термин „взрывной звук“ и вряд ли променяет его на какой либо другой, а в особенности на такой неуклюжий, как „взрывчатый“); во-вторых, что это за неведомое науке о языке соответствие взрывного звука придумному? и о каком соответствии (по месту образования, способу образования, составу, длительности, звонкости, „твердости“...) идет мудрая речь? Правда, каждая аффриката, как мы уже сказали, получается при слиянии взрывного звука с соответствующим ему по месту образования придумным (фрикативным) звуком,—но ведь это немножко не то, о чем говорит М. А. Молодцова, и вот почему. Из определения „Самоучителя“ можно вывести, что аффрикаты ж, жч и щ—это лишь взрывные звуки, соответствующие придумным, а не получающиеся вследствие слияния взрывного с соответствующим ему по месту образования придумным; такой же вывод—совершенно неточен и не правилен. Затем: из этого же мудрого определения начинающий изучать зырянский язык должен заключить, что каждый взрывной соответствует какому-либо одному придумному звуку; а такое заключение также будет неточным и антинаучным, т. к. на самом деле одному взрывному подчас „соответствуют“ по месту образования несколько придумных (фрикативных) звуков: взрывному т соответствуют в зырянском языке и ш и с; взрывному д соответствуют и ж и з (примеров из других языков приводить не будем)... Наконец, в третьих,—и это тоже очень важно—что будет делать с такими мудреными и неточными определениями бедный начинающий изучать зырянский язык по такому „самоучителю“? сумеет ли он понять—как же всё-таки произносятся звуки, обозначаемые буквами ж, жч и щ?...

¹⁾ Интересно, что немцы и французы русское щ передают буквами, обозначающими „твердое“ шч = штш (schtsch у немцев, chch у французов; срв. в польском языке наше щ = szcz, т.-е. также „твердому“ шч).

(Так же мудрит и также неудачно шеголяет специальными терминами и редактор „Самоучителя“. В. А. Молодцов, столь озабоченно претендующий на научность своих выводов, характеристик и определений. Вот его „лингвистические мудрости“: **щ** читается не как **тш**, а является аффрикатом—щеле-взрывчатый звук,—соответствующим ффрикату—щелевому, придумному звуку—**ш**. Точно так же **ж** и **з** читаются не как **дж** и **дзв**, а являются аффрикатами, соответствующими ффрикатам **ж** и **з**...¹⁾). Ну хорошо; „являются...“, „соответствующими“ и т. д.—но как же все-таки они читаются—то? или, может быть, так, что звуки, ими обозначаемые, не возможно передать никакими средствами никакой фонетической транскрипции? Это уж слишком...).

Весьма любопытно сопоставить все рассмотренные нами аффрикаты **ж**, **з**, **ч** и **щ** т.-е. **дж**, **д'ж'** (лучше—**џџ**), **т'ш'** и **тш**. Устанавливается их близкое физиологическое родство: две из них—**дж** и **џџ**—оказываются звонкими, а остальные две—**тш** и **т'ш'**—приблизительно соответствующими им (парными) глухими, или безголосыми. Стало быть, по этой схеме зырянские аффрикаты соответственно располагаются так: 1) **ж** и **з**, 2) **щ** и **ч**. По принципу „твердости“ и „мягкости“ эти же аффрикаты можно приблизительно разгруппировать так: 1) **щ** („твердая“) и **ч** (соответствующая „мягкая“); 2) **ж** („твердая“) и **з** (соответствующая „мягкая“ аффриката). Срв. указанную статью Найриосенги, стр. 73.—При всем том мы согласны с Найриосенгой в том, что буквы **з** и **щ**—„Ахиллессова пята“ Молодцовского алфавита“ (ibidem).

Что касается глухой зубной (зубно-альвеолярной) всегда „твердой“ аффрикаты, обозначаемой русской буквой **ц** (итальянск. **z**, немецк. **s** и **z**; срв. французск. **ts** в двух иноземных словах **tsar**—царь, **tsarine**—царица, — финское **ts** в немногих словах этого же корня: **tsaari**—царь, **tsaaritar**—царица, **tsaarin**—царский...), то она почти всегда в зырянской графике передается буквами **тс** (как мы уже отметили в начале статьи); но так как эта буква все-таки встречена нами в современных зырянских текстах—например, в словах: Центросоюз, цирк, концерт и некоторые другие,—то мы позволим себе охарактеризовать артикуляционную и звуковую сущность и этой аффрикаты.

„Подновитель“ зырянского шрифта, В. А. Молодцов не признает русской буквы **ц**, не ввел ее в зырянскую азбуку и даже свою фамилию предлагает писать... Впрочем, не Молодтсов, а Молодсов („Некоторые принципы зырянского правописания“, стр. 8, сноска). Русская буква **ц**, по его мнению, везде и последовательно должна быть заменена буквами **тс**. Есть ли какое-нибудь основание для такой замены? Есть,—и основание вполне резонное, покоящееся на физиологии звуков. В самом деле: произнесите **ц**, вслушайтесь, еще раз произнесите и вслушайтесь,—и вы услышите не один звук, а два звука, произносимых слитно: „твердый“ переднеязычный зубной мгновенный взрывной глухой **т** и соответствующий ему по месту образования, также „твердый“ переднеязычный зубной глухой длительный придумной **с**, т.-е. вы услышите, что **ц** действительно = **тс**. Кабинеты экспериментальной „фонетики“ (точнее,—экспериментальной физиологии звуков речи) особыми, специальными приборами также доказывают слитную, аффрикативную природу **ц**.

Вот более подробное и очень хорошее описание артикуляции **ц**, принадлежащее пр. ф.-лингвисту С. К. Буличу: Согласный **т**, входящий в состав этого сложного согласного, несколько отличается от обыкновен-

¹⁾ См. его рецензию на „Краткий коми-русский словарь“ Н. А. Шахова—в журн. „Комі му“ 1924 г., № 4—6, стр. 131.

ного переднеязычного, зубного **т** (имеющегося, например, в слове **то**), а именно: он притносится при такой же дорсальной артикуляции, какая необходима для (следующего за ним. Юр. С.) согласного **с**, т.е. кончиком языка, прикасающимся к нижним зубам. Затвор, необходимый для смычного **т**, образуется при этом на задней поверхности верхних резцов, но не кончиком языка, как при обыкновенном **т**, а прилегающей к нему передней частью языка. Непосредственно за этим дорсальным **т**, без всякого промежутка или паузы, следует спирант **с**, сливающийся в нашем восприятии с предыдущим **т**. Быстрота, с которой один звук следует за другим, и отсутствие паузы между ними обуславливают их восприятие, как одного, неразложимого на составные части звука. Сложная природа его, однако, сейчас же сказывается, если попробовать продлить его произношение. Тогда **ц** превращается в **с...**¹⁾ (**тс-сссс...** стало быть, звук **ц**, как таковой, слышится здесь только в самом начале, а затем он тотчас же превращается в **с**.—Юр. С.).

Произнесите **ц** вне слога и слова, так сказать, изолировано, затем, например, такие слова, как: **Щацк**, **Полоцк**, **вотяцкий**, **пермяцкий**, **казацкий**, **босаяцкий**, **дурацкий...** **купец**, **молодец**, **отец**, **удалец...**—и вы уловите слухом **ц** именно, как аффрикату **тс**. Вот основное соображение, которое пробудило „подновителя“ зырянской графики выбросить эту букву из азбуки и последовательно заменять ее буквами **тс**.

Но вот возникает вопрос: всегда ли **тс** звучит, как **ц**? если изолированное **ц**=**тс**, то всегда ли справедливо и обратное положение: **тс**=**ц**? Как будто ясно (по крайней мере, с первого взгляда), что ответить на этот вопрос можно и должно только утвердительно. Однако, в живой речи, в звуковых и произносительных законах дело обстоит не так-то просто (даже и в таких точных науках, как математические, не все ведь так наз. обратные теоремы справедливы). Произнесите слова: **детский**, **советский**, **флотский**, **братский**, **отставка**, **городской**, **залихватский**, **представить..** **занимается**, **кривляется**, **дурачится**, **артачится**, **разобьется...** **обниматься**, **ухмыляться**, **начинаться**, **расстаться...**—и вы ясно определите тождество **тс** (иногда орфографическое **дс**, но офоэпическое **тс**) с аффрикатою **ц**,—причем в глагольных формах (в 3 лице ед. и мн. ч. наст. вр. изъяв. накл. и в инфинитиве, или неопределенной форме) вы услышите собственно „двойной“, долгий аффрикативный звук **ц** (произносим: **занима́цца**, **занима́ецца**, **бода́цца**, **бода́ецца**, **одева́цца**, **одева́ецца** и т. д.).

Но произнесите слова: **отставны** (помогать), **отсытны** (быстро помочь) **отсѡг**, **отсалѡм** (псмощь).. **отсохнуть**, **отсекать**, **отсыреть**, **отсудить**, **отсель**, **отсюда**, **отсидживать**, **отсчитывать**, **подсвечник**, **подснежник**, **подсудный...**—и вы заметите, что здесь **тс** не тождественно (в произношении) с **ц**: вы не произносите **оцавны**, **оцытны**, **оцѡг**, **оцалѡм...** **оцохнуть**, **оцекать**, **оцыреть**, **оцудить**, **оцудить**, **оцель**, **оцюда**, **оциживать**, **оцчитывать**, **поцвечник**, **поцнежник**, **поцудный...** Для сравнения произнесите слова: **оцепенеть**, **оценить**, **оценка**, **оцарапать**, **оцелить...**

¹⁾ С. К. Булич. „Ц“—в „Энциклопедическом словаре“ Брокгауза и Ефрона. Том 37, стр. 784. II 1903 г.—Курсив мой. Юр. С.—Срв. акад. Я. К. Грота, op. cit., том II-ой, стр. 17 и 43.—Срв. также проф. Д. Н. Ушакова: „В аффрикате **ц** есть элементы **т** и **с...** вследствие недостаточного быстрого размыкания затвора, делаемого при **т...** образуется на некоторое время теснина между языком и зубами, в которой естественно случается элемент звука **с**. Таким образом, **ц** отличается от **тс** тем, что и **т** и **с** в **ц** не совсем такие, каковы они в отдельном произношении“... (op. cit., стр. 33).

Таким образом, **тс**-**ц** (в произношении) не всегда, а лишь 1) когда за **тс** следует взрывной мгновенный согласный (**б, п, д, т, г, к**); 2) в русских глагольных окончаниях 3 лица ед. и мн. ч. наст. вр. изъяв. накл. и в неопределенной форме на—**тсья**.

(Продолжение следует)

Графика и физиология звуков современного зырянского языка¹.)

III ГЛАВА.

Взаимоотношение графики и орфоэпии в коми языке. Вопрос о степени фонетической точности алфавита вообще, современного коми алфавита—в частности. Может ли быть абсолютно точным (фонетически) алфавит, графика, орфография? [Значение общепринятого, орфографически выдержанного письма.

Взаимоотношение коми и русской звуковых систем. Специфически-коми звуковые особенности.

Мы вновь вплотную подошли к принципиальной важности вопросу об отношении графики к орфоэпии (правильному произношению) вообще, зырянской графики к зырянской орфоэпии—в частности; этот вопрос является лишь углублением другого вопроса—об отношении звуков и букв, речи письменной и речи произносительной.

Из всех приведенных нами примеров, сравнений и характеристик отдельных звуков зырянской речи видно,—насколько неправы те, кто утверждает, будто теперешний зырянский алфавит—один из самых совершенных, будто зырянская система обозначения речевых звуков—одна из самых лучших, „образцовых“, и будто содержимого зырянского алфавита (33 букв) вполне достаточно для точного и безошибочного обозначения каждого из звуков коми речи. Неправ и сам „подновитель“ зырянской азбуки, В. А. Молодцов, в пылу полемики с проф. А. Н. Гренем похваляющийся „Знает ли профессор, что зырянский шрифт „Молодцова“—фонетический и в состоянии предотвратить всякую возможность неправильного чтения...“ Этого вообще нельзя сказать пока ни об одном из существующих на земном шаре алфавитов: все они в сравнении с произношением несовершенны (одни—как английский, французский, немецкий, русский—в большей, другие—как сербский, хорватский, чешский, итальянский—в меньшей степени), и каждый из них несовершенен по-своему...

¹) см. выпуск IV „Записок“ О-ва изучения Коми края.

Все дело в том, что буквы—буквами, а звуки—звуками и остаются и живут своей жизнью, совсем непохожей на жизнь букв, графики, шрифта и орфографии. Известно, что в каждом языке, как живой психо-физической деятельности человека, служащей органом и посредником духовного общения людей, а также неотъемлемым средством и орудием передачи расчлененного (членораздельного) мышления,—различают 2 стороны: 1) **внешнюю** или физическую (материальную); ее составляют речевые звуки,—результат сложной и многообразной артикуляционной работы органов речевого аппарата; ее изучают физиология звуков и фонетика (весьма важные и наиболее хорошо разработанные отделы лингвистики) вкупе и влюбсе с общей анатомией и физиологией человека и с физикой (точнее,—с тем отделом ее, который именуется акустикой, учением о звуке); 2) **внутреннюю** или психическую (духовную); ее образуют значение речевых слов и соответствующих им представлений, как возбудителей, а иногда и причин тех или иных смысловых оттенков слов; ее изучают—так наз. семасиология (или семантика),—пока наименее разработанный отдел лингвистики, рассматривающий значения слов и их составных частей, перемены в значениях и их причины,—и наукой о психических явлениях и законах в жизни человека, психология, много и дельно помогающая семасиологии. (Новейшая отрасль физиологии—так наз. рефлексология, которая во многих пунктах успешно „конкурирует“ с психологией и уже взяла приз на первенство,—в интересующей нас сейчас области пока решительно ничего сколько нибудь ценного не сделала).

Таким образом, мы видим, что в состав **языка, как такового**, буквы, графика и орфография не входят, и это вполне понятно. В самом деле: разве неграмотный человек, не знающий букв, не умеющий ни писать, ни читать, но пользующийся (и подчас хорошо и свободно) живым словом,—разве он не владеет языком и не причастен к нему, к его жизни? разве этот, всегда живой язык не живет и в его устах? Двух ответов на эти вопросы быть не может: графика и орфография для языка, а не азык для графики и орфографии.

Ясно одно: способ написания слов, общепринятый наукой и подчиненный общеобязательным орфографическим правилам, во все времена, во всех языках и у всех народов был и есть более

или менее искусственен, условен (вспомните недавнюю судьбу русских букв: ять, і, „твердого знака“, фиты и ижицы,—букв, теперь получивших отставку без мундира). Почему? Потому, что этот способ—сколь бы ни величали его правильным, образцовым, фонетическим, могущим „предотвратить“ всякую возможность неправильного чтения“... и т. п.—передает на письме живую, разговорную речь не точно, а лишь приблизительно; потому, что звуков в речи гораздо больше, чем букв в азбуке; потому, что никакой, даже самый „фонетический“ способ написания слов не отражает и не может точно отражать ни многочисленных и подчас едва уловимых звуковых изменений языка во времени, ни диалектических местных особенностей и тонкостей живой, разговорной речи. И графика, и орфография, живя своей, большей частью закосневшей, консервативной жизнью, всегда и везде отставали и отстают от жизни, роста, обновлений и видоизменений языка, законы которого совершенно отличны и даже несоизмеримы с законами графики и орфографии. „Правописание—это костюм, в котором является язык, и он может быть удобным и неудобным; но всегда нужно помнить, что это—внешность, от изменения которой не меняется язык. Знание букв не дает знания звуков. В любом письме... одною и тою же буквой могут передаваться разные звуки, и, наоборот, один и тот же звук может передаваться разными буквами; наконец, известные сочетания звуков могут передаваться настолько условно, что не дают никаких указаний на входящие в их состав звуки“... (Проф. Д. Н. Ушаков, *op. cit.*, стр. 9 и 39).

Вот почему в науке о языке давно уже стали **общими** места, где говорится, что вообще-то не было, нет и не может быть такой системы букв, такой азбуки, которая посмела бы претендовать на исчерпывающую полноту и точность в письменном обозначении всех звуков, слышимых в живом, разговорном языке, со всеми скользящими переходами одного из них в другой, другого в третий... и со всеми их разновидностями в произношении отдельных лиц, как речевых индивидумов. Надо твердо запомнить, что очень часто мы говорим так, а пишем иначе, говорим не то, что пишем, а пишем не то, что говорим; надо хорошенько усвоить, что живой, разговорный язык—особь статья, а орфографические правила и порядок расстановки букв на письме—особь статья; надо как следует понять, что очень часто (не всегда!) написанное представляет нашему

взору и сознанию лишь оболочку, форму далекого исторического прошлого в языке, а нам нужно назвать эту оболочку, переданную нам по традиции, по-современному, т.-е. произнести слово совсем не так, как его произносили когда-то; надо, наконец, обратить внимание на то, что и теперь, пиша по **современным** правилам орфографии **современные** нам слова в их **современном** языковом состоянии, мы все-таки сдишком далеки от фонетической точности, т. к. произносим эти слова подчас совсем не так, как обозначаем их на письме средствами **исторически** сложившейся графики.

Впрочем, если бы мы стали строго требовать от графики и правописания точной фонетической передачи звуков в живой речи в ее прошлом и настоящем,—то мы совершили бы двойную ошибку: во-первых, мы погрешили бы против истории языка, как науки, которая изучает преемственно, хронологически сменяющиеся моменты в явлениях звуковой жизни; а ни одна из эпох в истории языка не ведала **абсолютно-совершенной** графики и орфографии, **абсолютно-точной** передачи и фиксации произносимых слов; во-вторых, мы лишили бы орфографию ее существеннейшего и характернейшего признака, *conditio sine gva non* ее бытия,—мы говорим об ее однообразии и устойчивости, консервативности (не в дурном смысле этого слова), сохранности; а потеряв эту устойчивость, это общепринятое лучшими писателями и образованными людьми однообразие свое, орфография перестала бы быть тем, чем она была до сих пор, является теперь и должно быть всегда,—проводником, двигателем и об единителем государственной и культурной жизни и труда народа в литературе и в литературном языке.

Но, говоря об этой устойчивости, об этом однообразии орфографии и графики, и подчеркивая это однообразие в его сравнении со звуками живой, разговорной речи, мы слишком далеки от того, чтобы защищать исключительно исторические, традиционные графические системы, в роде английской, французской, отчасти и немецкой,—где часто 8 букв в слове обозначают два-три звука, где один и тот же звук очень часто обозначается совершенно разными буквами (вспомните хотя бы совершенно различные по смыслу и по буквенному составу, но одинаково звучащие французские слова: *cent, sang, sans, sens, sent, s'en...* или *ciug, saint, ceint, seing, sein, sain...* *) где—по пословице—пишется Бирон (*Byron*), а читается Байрон; где, по словам знаменитого английского восто-

*) Примеры берем у Гроца, *op cit*, т II стр. 200 203

коведа Вилл. Джонса, „несовершенство (английского) письма доходит до безобразия и почти до смешного...“¹⁾ а по словам французского философа-позитивиста и лексиколога Эм. Литтре, „письмо и произношение (у французов)—две силы, которые **постоянно** борются между собою...“²⁾.

Нет; от поры до времени,—когда расхождение живого, постепенно и медленно, но неукоснительно и верно изменяющегося произносительного языка с языком письменным, орфографическим станет слишком заметным и резким,—необходима, разумеется, частичная реформа графики и орфографии (вспомните реформу сербской азбуки, произведенную во II пол. 19 века знаменитым Вуком Караджичем; вспомните реформу русской орфографии в 1917 г.). Правду говорит акад. Я. К. Грот: „Правописание, как и всякое другое проявление умственной жизни, не остается неподвижным: оно развивается постоянно, хотя и медленно, но не по какой-либо **заранее определенной теории**, а под влиянием множества одновременно и последовательно действующих обстоятельств, пока, наконец, надолго установится обычай, обращающийся в закон... Такое установление орфографии совершается особенно путем **литературы и школы** после появления **словаря и грамматики**. Дальнейший ход дела главным образом, зависит от развития науки слова; но и ее двигатели могут улучшать правописание только тогда, когда в общем его характере соотнобразуются с обычаем, довольствуясь **постепенными и не слишком крутыми** преобразованиями... Для массы всего обязательнее привычка; затем новизна, почему либо кажущаяся удачною или отвечающая современному настроению, прививается легче, нежели нововведение, хотя и основательное, но требующее **серьезного** соображения.

„Тот, кто возьмется исправить правописание какого-нибудь народа“, говорит датчанин Н. М. Петерсен, „и при этом пойдет против течения, может на вечные времена ожидать лишь неблагодарности“. Таким-то образом, мы почти нигде не находим одной **правильно и последовательно** развившейся системы правописания...³⁾

¹⁾ Сн. у Грота. *op. cit.*, т II стр. 194.

²⁾ Сн. у Грота, т. II, стр. 197.

³⁾ *Op. cit.*, т. II, стр. 213—214.—Курсив мой. Юр. С.

Теперь мы позволим себе, хотя бы коротенько, остановиться на вопросе о степени совершенства и законченности теперешней графической системы коми языка.—Часто приходится сталкиваться с устным и печатным утверждением, что в современном зырянском языке все слова и составляющие их буквы читаются точь в точь так, как написаны, что в нем, другими словами говоря, строго проведен фонетический (звуковой) принцип. 1) Справедливо ли такое утверждение? Нам думается, что после всего сказанного о сущности, характере и общей эволюции всякой графики и орфографии (в их сравнении с живым, произносительным языком) вопрос о зырянской письменной речи уже предreshается, ибо ни один язык не жил и не живет исключительно ему одному присущими законами, а необходимо подчиняется и некоторым обще-лингвистическим принципам и устоям.

Неточность (с точки зрения **строго фонетической**) зырянской графики сказывается во многом: 1) в том, что для „мягких“ согласных **б, в, г, к, м, п, р** (а они безусловно „мягки“ в некоторых чисто-зырянских словах, а также в словах заимствованных, но „озырянненных“, примеры см. выше) нет особых, отдельных знаков—букв; 2) в том, что до сих пор русские и иностранные слова с буквами **ф, х, и ц** пишутся трояко: а) то стараются совсем обойтись без них, заменяя их соответственно буквами **п, к** и **тс** 2), т. к. звуки, обозначаемые приведенными русскими буквами, чужды коми языковому составу, его звуковой системе (срв. в финском языке, где совершенно нет звуков **ж, х, ц, ч, ш, щ, ы** и букв для них); б) то последовательно заменяют буквами **тс** лишь русскую букву **ц**, а буквы **ф** и **х** свободно употребляют—в особенности, в заимствованных словах (вспомните, приведенные в начале статьи примеры). Спрашивается, как же быть с этими 2 буквами, столь нужными при передаче некоторых „озырянненных“ русских и иностранных слов? ввести ли их в зырянский алфавит? А если ввести их, то придется (фонетической точности ради) ввести и 2 разновидности их—для обозначения и „мягкости“ звуков, соответствующих каждой из них. Стало быть, это одно даст увеличение количества букв коми азбу-

1) См. напр., „Самоучитель...“ М. А. Молодцовой, стр. 5.

2) Так поступали и Г. С. Лыткин, и Н. П. Попов, и Ф. И. Видеманн, и Фукс, и А. М. Шегрен и др. зыряноведы.

ки на 4. в) Сам „подновитель“ зырянской системы графики, В. А. Молодцов в своей книге ¹⁾ „Некоторые принципы зырянского правописания“ склонен, по видимому, встать на свою (по нашему счету, третью) позицию в этом вопросе: он согласен допустить употребление букв **ф** и **х** и сам их употребляет в своей книге—напр., в словах: „фонетика“, „суффикс“, „морфема“, „графема“, „фонема“, „дифференциация“, „телеграф“, „морфология“, „формаль“, „фриката“, „топография“, „дефис“, „орфография“, „классификация“, хрестоматия“... (См. стр. 8, 32, 33, 45, 63, 84, 85 и 86 его книги, а также стр. 148—151 его „Комі граматика“... 1921 г.),—но подчеркивает, что эти и подобные этим слова „по своему звуковому составу уже **мало пригодны для письма в массовом масштабе**“ (стр. 8.—Курсив мой, Юр. С.),—очевидно, желая этим сказать, что эти и подобные слова широким массам коми народа неизвестны... Но почему же в таком случае В. А. Молодцов не ввел эти 2 буквы в состав „своей“ азбуки? Или он для широких масс держит наготове одну азбуку, а для себя и для образованных людей имеет в запасе другую—более „полную“ и „лучшую“? Не странно ли это: ну, а если кто—нибудь из широких зырянских масс поступит в зырянскую школу, будет учиться читать, совершенно не видя и не зная звукового значения букв **ф** и **х**, получит образование, разгорится любознательностью и нападёт как—нибудь на книгу... ну, хоть самого Молодцова: „О фонемах коми языка“. Спрашивается,—как же он будет читать только что приведенные нами слова, в этой книге рассыпанные в изобилии? ²⁾ Ведь поистине странно видеть в слове пять-шесть „родных“ зырянских букв и „торчащую“ среди них одну-другую букву, которой совершенно не знаешь, и которой нет даже в алфавите... Это все равно, что написать и предложить для прочтения русскому человеку, скажем, слова: „суффикс“, „корень“, „рыба“, „человек“, в такой примерно, форме: „suttix“ (или souffix), „кочень“, „руба“, „селовек“ и потом разъяснять, что **f**—это русское **ф**, **x**—это русское **кс**, **ou**—это русское **у**, **ч**—это русское **р**, **y**—это русское **ы**, **e**—русское **ч**... Немудрено, что при таких условиях, пожалуй, из грамотного сделаешься неграмотным...

1. Кстати сказать,—хорошей по постановке вопроса, но написанной поразительно бестолково и самыми дубовыми стилистическими приемами.

2) Судим о ней, еще неизданной, по выдержкам из нее, приведенным в книге „Некоторые принципы зырянского правописания“ (стр. 84—87).

Неточность коми графики сказывается также 3) в том, что такие довольно широко распространенные речевые явления, как приглушение звонких согласных, озвончение глухих, ассимиляция (уподобление звонких глухим и превращение в глухие, глухих—в звонкие) и т. п.—не находят себе в теперь принятой „образцовой“, „фонетической“, „способной предотвратить всякую возможность неправильного чтения“ системе зырянского письма никакого отображения. Так, напр., слова: татчѳ, ортчѳн, велѳдчыны (учиться), кызжык (толще), видчѳ (ругается), роч ѳадѳ, ѳок гор (плохая каменка), гѳгрѳсжык (круглее), быдса (целый), мѳс зад (коровий зад), куритчыны, разведка, скідка, дружка, подрадшік... и т. д., и т. д. произносятся совсем не так, как пишутся: в них мы имеем налицо „переход“ **д в т, т в ч, к в г; в в ф, ж в ш, з в с, з в ж, с в з** и т. д.—Безусловно, неточна зырянская графика и в передаче звуков таких слов, как лыѳѳыны, кодзыны, адзыны, асѳѳ, доѳѳа, суѳѳа, заявльѳньѳ мысыны и др. ; 4) в том, что такое распространенное в речи явление, как „смягчение“ (палатализация) согласных под влиянием последующего гласного, соответствующего русским **я е ё и ю**,—обозначается не одинаково, а двояко: а) то постановкой буквы для „мягкого“ согласного (**ѳ, ѳ, ѳ, ѳ, ѳ, ѳ**)—**а, е, о, у**: ѳагуша, ѳубітны, кѳуч, пашѳа, воѳак, ѳат, тѳлѳга, гаѳет ѳечітны... б) то постановкой буквы для „твердого“ согласного (**ѳ, в, г, ж, к, м, п, р, ш**)—**ја, је, јо, ју**: бјуджет, гіјаур, Вјатка, запјатаја, жјурі, знамја, брошјура, Рјазань, de — Мјуссе... 5) в том, что одна и та же буква **ј** выступает в тройкой роли: а) то для обозначения „соответствующего“ ей звука (**јај, јѳдѳг, јі, јорт, јѳз, јуны, јыв, туј, кајны кујлыны, сојны**... Матвеј, трамвај, сарај, урожая, војна, зајом, буржуј, автономіја, арміја, грамотнѳј, мај, пролетаріј, јазва, тѳлкүтны)... б) то для обозначения „мягкости“ предыдущего согласного (как в только что приведенных словах: бјуджет, бјуро, мјаснік, памјатнік... (в) то в роли разделительного знака (русского **Ъ** и **Ь**) в середине слов: семја (семья), курјер (курьер), сырјо (сырье) пјеса (пьеса), матерјал (матерьял), Марја (Марья), обявльѳньѳ (объявление) и т. п., а также: кѳкјамыс, пышјыны, кодјыны, чужјавны и под.

Таковые основные соображения, которые заставляют нас решительным образом отмежеваться от тех, кто готов смотреть на теперешний коми алфавит и графику, как на что-то в роде новоот-

крытой Америки или как на фонетического „совершенства образец“... Никакой Америки здесь нет, как нет и образцового фонетического совершенства, „способного предотвратить всякую возможность неправильного чтения“: азбука, как и всякая другая; графика, как графика,—есть в той и другой и достоинства, и чисто-практические (типографские и письменные) удобства в деле передачи звуков живой речи и в деле усвоения отдельных букв,—но есть и крупные, существенные недостатки, которые свидетельствуют о том, насколько неправы те, что увлекаются превозношением теперешней зырянской системы письма, отстаивая якобы строго—фонетический характер ее.

Меж тем, с этой последней, фонетической т. зр. безусловное предпочтение перед утвержденной системой коми письма следует отдать, напр., сербской и хорватской системам, которые провели в жизнь своей грамоты фонетический принцип почти полностью (отобразив при ее посредстве и приглушение звонких согласных, и ассимиляцию, и „мягкость“ всех согласных и т. п.), и, сколько известно, теперь **пона** ¹⁾ почтили на лаврах своей счастливой (по-своему!) орфографии,—хотя и „систематически так исказили множество звуков, что в их словах трудно и узнать первоначальную форму... то же искажение перенесено и в правописание...“ ²⁾

При всем том мы слишком далеки и от другого, крайнего, диаметрально-противоположного „Молодцовскому“ мнения о теперешней коми графике и азбуке,—будто эта азбука никуда не годится, и будто хуже этого шрифта ничего и придумать нельзя...

Не согласны мы и с теми, кто является сторонником русского шрифта для коми—без каких-либо существенных дополнений и

1) Говорим „**пона**“, т. к. убеждены в том, что только при самом изобретении знаков—букв для передачи звуков какого бы то ни было языка каждому отдельному звуку речи соответствует особый знак (стало быть, количество букв совпадает с количеством основных звуков), и каждая буква обозначает только один определенный звук, а не два и не три. (Эти два условия, как известно, считаются основными требованиями, предъявляемыми ко всякой так наз. идеальной азбуке). С течением же времени, по мере развития, изменений и переходов речевых звуков буквы, как условные и случайные знаки их, неизбежно „удаляются“ от них, и азбука вновь требует исправлений и подновлений, если не переделки... Это убеждение наше подкрепляется многочисленными данными по истории письменности у разных народов.

2) Акад. Я. К. Грот, *op. cit.*, том. II стр. 221.

изменений ее. Звуковые системы зырянского и русского языков нельзя считать вполне тождественными; стало быть, не должны быть такими же и их системы письма, или графического обозначения звуков... Г. С. Лыткин был вполне прав, когда писал: „Русский алфавит без изменений и дополнительных знаков, безусловно, непригоден для зырянского языка...“ Ор. cit., отд. II, стр. 227, статья: „По вопросу о зырянском языке и зырянской грамоте.“) Недаром и В. А. Молодцов писал когда-то в защиту своего шрифта: „Если около этого шрифта поднялась шумиха, то только по наивному мнению лиц, которые наивно хотят иметь полное соответствие между русским и зырянским письмом. Это—заблуждение, вызванное наивным незнанием того, что для двух языков с разной звуковой системой этого достичь нельзя“... (См. его рецензию на статью проф. А. Н. Грена: „К вопросу о применении латинского алфавита...“—в журнале „Комі му“ 1924 г., № 7—10, стр. 155).

Мы подошли к вопросу о взаимоотношении зырянской и русской звуковых систем.—Есть ли что-либо общее в звуковых системах этих двух языков, принадлежащих к разным языковым семьям? или же эти звуковые системы настолько различны, что их нельзя совсем и сближать и сравнивать?... Некоторые исследователи—напр., В. А. Молодцов и Н. А. Шахов—склонны к утверждению, что русский и зырянский языки—в отношении звуковом несоизмеримы, что у них совершенно различные звуковые системы, что, напр., в русском языке гласные *е* и *і* (*и*) „смягчают“ предыдущий согласный, а в зырянском языке этого не наблюдается; в русском языке нет самостоятельных „мягких“ согласных, а в зырянском языке есть; в русском языке *ј* (*й*), входящий в состав звуков, обозначаемых буквами *я*, *ю*, *е*, *ё*, всегда „смягчает“ предыдущий согласный, а в зырянском языке—„не смягчает“ никогда; в русском языке совершенно нет звуков, которые хотя бы отчасти походили на те, что в современной зырянской графике обозначаются буквами *з*, *ж*, *щ*, *ѳ* (некоторые присоединяют сюда также зырянские *ь*, *ѳ* и *ѳ*) и т. п. 1)

Мы не разделяем подобного взгляда, находя его и не точным, и преувеличенно-крайним. Все наше предыдущее изложение физиологии звуков зырянской речи подтверждает наш вывод по отноше-

1) См., напр, статью Н. А. Шахова, „Зырянский алфавит“—в газ. „Jyryd tyj“ 1923 г., № 92 (632), стр. 3; В. А. Молодцова только что названную статью, стр. 155.

нию к коми звуковой системе. Мы имели возможность на различных примерах, физиологических характеристиках, аналогиях и сближениях убедиться, что звуки, обозначаемые зырянскими буквами: а, б, в, г, д, е, ж, з, і, ј, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ч и ш (22)—это составляет почти 67% общего количества букв зырянской азбуки—решиительно ничем физиологически и акустически не отличаются от соответствующих им русских звуков. Что касается зырянских звуков, обозначаемых остальными 11 буквами: ъ, ы, ж, з, џ, ѡ, Ѣ, Ѥ, Ѧ, ѧ, Ѩ, ѩ—то о специфических их особенностях (артикуляционных и акустических) в роде близкого родства і и ы, шепелявости ѡ и Ѣ, характерной аффрикативности, з, ж и џ, своеобразной „мягкости“ џ, ѡ, Ѣ, Ѥ и „смешанного“ характера гласного Ѧ (под ударением и без ударения)—мы также в своем месте сказали, и—что особенно важно отметить сейчас—**всем** этим зырянским звуковым явлениям мы нашли или **тождественные** с ними или весьма **близко примыкающие** к ним, или **подобные** им звуковые явления в **русской** речи (если не в **литературной** то в **диалектической**: северно-великорусской, южно-великорусской, белорусской, украинской и т. д.—включительно до шепелявости **индивидуальной** русской речи); и все это мы намеренно скрепили соответствующими примерами. Это и дает нам право говорить о наличии довольно большой близости между русской и зырянской звуковыми системами.

Несколько неточными являются уверения Н. А. Шахова (в только что указанной статье), что в русском языке нет самостоятельных „мягких“ согласных (а в зырянском есть), что русские гласные е и і (и) „смягчают“ предыдущий согласный, а в зырянском языке этого не наблюдается (сѡліс, шонді, сені, водіс, коді... звучат почти как сѡлыс, шонды, сены, водыс, коды...¹⁾). В **совре-**

¹⁾ Всп. всегдашнее написание „шонды“, „сыѡ“, „сыѡз“ (тепереш. сіѡ), асыѡ (теперешн. асіѡ), „тасты“ (теперешн. таѡті) и под. у Г. С. Лыткина; у И. Вахманна же—kiz (тепер. кыѡ), komin (тепер. комын), veskđ (тепер. веокыѡ), soddini (тепер. содтыны)... Срв. также временные колебания в орфографии таких слов, как: товаріш (товарыш), мужік (мужык), аршіш (аршын—у В. А. Молодцова, „Комі граммати́ка“..., стр. 107, 110 и др.) (жамшик (жамшык), курітчыны (курітчыны) и под. (всп. Г. С. Лыткина ошын—тепер. ошіѡ)... Колебание это вызвано именно тем, что согласный, предшествующий обычно „смягчающему“ гласному і, выговаривается не „мягко“, а „твёрдо“. Срв. в украин. речи потерю резкой-акустической разницы между ы и и; здесь слышится какой-то новый звук, представляющий собою

менном русском языке **есть** и самостоятельные „мягкие“ согласные (как есть они и в языке зырянском): такими являются, во-первых, **б, в, д, з, л, м, н, п, р, с, т** и **ф** в их положении в конце слов (прорубь, голубь, дробь, ветвь, морковь, вкривь, лошадь, заводь, кладь, связь, грязь коновязь, эмаль, постель, дуэль, наземь, озимь, семь, корень, плетень, тюлень, топь, сыпь, корь, хворь, дурь, авось, небось, брось, ходить, молить, просить...¹⁾), а также в середине перед орфографич. **ь** (семья, статья, свинья, снадобье коровья, просьба, свадьба, женитьба, стулья, хлопья, нельзя, польза, тюрьма, борьба, спесья, пятьсот, скуфья...) и в других положениях (церковь, ветвь, дверь, двести, известь, праздник, казнь, кончик, выклянчить, женщина, интерес, романчик, четверть, скатерть, смерть, честь...).

Что во всех этих случаях мы имеем действительно самостоятельные „мягкие“ согласные звуки, а не слияние „твердого“ звука со следующим за ним **і** (**и**) или **ј** (всегда „смягчающим“ предыдущий согласный),—это великолепно было разъяснено еще акад. Я. К. Гротом, возражавшим по этому вопросу проф. Э. Брюкке, проф. Э. Сиверсу, проф. А. Лескину, проф. А. Шлейхеру, проф. акад. А. Х. Востокову и др.. Вот выводы, к которым пришел Я. К. Грот: 1) наши **ль, нь** и др. подобные—простые, „одинокие“, самостоятельные звуки, а не представляют собой слияние „твердых“ **л, н** и др. с последующим за ними звуком, средним между **і** и **ј**,—как это имеет место при так наз. **мульировании** (нем. Mouillierung, от франц. l mouillé) звуков в языках романских (напр., во франц. в словах: cueillir, cuiller, village, vitrail..., а также campagne,

нечто среднее между **ы** и **и**. Вместе с этим теряется и „смягчающее“ влияние звука **и** на предыдущий согласный. Специалисты—исследователи замечают, что даже для природных украинцев иногда бывает затруднительно **точно** разграничивать в таких случаях звуковые оттенки.

1) Правда все слова с орфографич. окончаниями на **бь, вь, дь, и зь**, произносимые изолированно, а также в связной речи (не всегда), превращают эти окончания соответственно в **п, ф, т, и с** (срв. произношение и написание таких выражений, как напр.: голубь пестрый; кровь стекала медленно; лошадь моя здесь; связь преступная; сквозь волнистые туманы; оставь рыбака; оставь угрозы, мразь несчастная.), но бывают и такие положения этих слов в связной речи, когда их орфоэпия совпадает с орфографией) напр. дробь была крупная; ведь знаешь его; лебедь диковинный; кровь братская; сквозь землю не видно; сквозь зипун продувает.). Эти случаи мы и имеем сейчас в виду.

vigne, cygogne, vaigrier, de-vigny...) Мульированные звуки, обозначаемые посредством l или ll с предшествующими гласными или посредством сочетания gn перед гласным, оказываются сложными; это — не что иное, как l и n с непосредственно следующим за ним j т. е. ail, ill, eill и под. = lj; gne gny и под. = nj; 2) превратно мнение, будто русские „мягкие“ согласные, обозначаемые **бь, вь, гь,** и т. п. — являются „мульированными“ звуками (как полагал Э. Брукке) или „согласными дифтонгами“ (как утверждал А. Шлейхер); неверно и проф. А. Лескин, смешивая **ь** с j, заявляет, будто русские **ль, рь, нь,** и т. п. пишутся вместо лъ,, ръ,, нъ и под. Дело в том, что такие слова, как напр., голубь, червь, лебедь, грязь гость... вовсе не имеют j в конце, ибо иначе предшествующие **ью** (ерю) согласные **б, в, д, з, т,** непременно, „смягчились“ бы (по известному фонетическому закону) в **бл, вл, ж** или **жд. ч** или **щ,** — как это действительно произошло в таких, напр., словах, как корабль, журавль, ложь, вождь клич, плащ... В первом ряду слов, напротив, не видно ничего подобного, и нельзя не признать мнение о присутствии в этих словах j лишенным основания. Только при переходе одного звука в другой можно сказать, что ему предшествовало то, что немцы называют Mouillirung. Что касается начертания jь вместо **ь,** то оно представляет еще и тот абсурд, что если в самом деле **ь** значит jь, то произойдут следующее, до бесконечности простирающиеся формулы: конь=конъ=конъjь=конъjъjь и т. д. 1)

1) См. акад. Я. К. Грота, том I стр. 344, 345 и 475; том. II, 23 и 123. Срв. также пространные и обстоятельные рассуждения Грота о самостоятельных „мягких“ согласных в русском языке — на стр. 324-328 тома I-го.

Мы вполне разделяем точку зрения акад. Я. К. Горта, — кстати сказать, впоследствии подкрепленную и еще более обоснованную акад. О. Н. Бетлингом и известным физиологом речи Б. Киттерманом (см. его ценную статью: „К вопросу о палатализации звуков русского языка“ — в „Журнале Министерства Народного Просвещения“ 1903 г. № 2.

Для доказательства защищаемого здесь взгляда можно воспользоваться следующим интересным способом, предлагаемым Киттерманом: если произносить протяжно конечный звук в слове „конь“ и, поместив ладонь руки под ноздрями, наблюдать, откуда выходит воздух, то легко заметить, что выдыхание происходит через носовую полость, как и при „твердом“ и Между тем, если бы „мягкое“ и представляло собою соединение „твердого“ и с j-том (т. е. nj), то протягивание j-та вполне могло бы быть произведено и с зажатými ноздрями, т. к. воздух пошел бы уже через ротовую полость. При произнесении „мягкого“ и этого сделать нельзя.

Стало быть, и есть самостоятельный „мягкий“ звук; а не сочетание и с поеледующим j.

Во вторых самостоятельными „мягкими“ согласными в современном русском литературном языке всегда являются **ч, щ и й**: час, чист, человек, чего чай; шенок, щи, шавель, щедрый; яма (=яма), яблоко; якорь; мой, твой, свой, сарай, урожай...

Итак, в современном русском языке есть и самостоятельные „мягкие“ согласные, как есть и „мягкие“ согласные, обязанные своим существованием влиянию **ј** или **і** (**и**).

Что касается заявления Н. А. Шахова о том, что в то время как в русском языке гласные **е и і** (**и**) „смягчают“ предыдущий согласный звук, а в зырянском языке этого „не наблюдается“,—то и это мнение не совсем основательно. Относительно русского языка, впрочем, говорить много не приходится: в нем звук, обозначаемый буквой **е** (=јэ), всегда „смягчает“ предыдущий согласный (белый, вера, герб, дело, зелень, кедр, лебедь, мел, нет, петь, резь, сечь, течь, ферма, похерить, идея, тема, комплекс, прогресс...),—кроме тех 3 согласных **ж, ш, ц**, которые будучи всегда „твердыми“ (в современном русском литературном языке), не „поддаются“ и на сей раз смягчению (жертва, жесть; шесть, шельма: цех, процессия...)

Звук же, обозначаемый буквой **и** в середине или конце русского слова, также почти всегда „смягчает“ предыдущий согласный (**бить, велика, гибель, дикарь, зима, кильки, лист, миска, низко. пир, рис, синие, тихо, финтить, хитрить...**),—кроме 3 случаев: 1) когда звуку **и** предшествует всегда „твердый“ **ж, щ, или ц**, тогда **и** звучит, как **ы** (жизнь, жито, ужин; шило, шить фашизм; циркуль, дикция, цикорий...); 2) когда звуку **и** предшествует **г, к** или **х** в окончании инфинитива (неопределенной глагольной формы) многократного вида или в окончании именительного падежа ед. числа, муж. рода прилагательного полной формы (**—гий, кий, или хий**),—звук **и** также превращается в звук, близкий к **ы**, и не „смягчает“ предыдущего согласного (вздрагивать, подмигивать, стаскивать, поддакивать, попискивать, застегивать, вспархивать помахивать... строгий, убогий, отлогий; крепкий, стойкий, высокий, тихий, ветхий...); 3) когда в связанной речи одно слово оканчивается на „твердый“ согласный звук, а непосредственно следующее и вместе произносимое с первым слово начинается с **и**, то „смягчения“ также не наблюдается, и звук **и** звучит близко к звуку **ы** (срв. в зырянском языке в словах: тасті, коді сіјö, шонді и под. **і** звучить почти, как **ы**, не смягчающее, предыдущего согласного; вот почему

Г. С. Лыткин и писал: тасты, шонды, коды, јоды, лудык, сыџ и т. п.): с Ириной, от избытка, без исхода, в изгибе, к избе, стоп и баста, трепет и слезы, смех и грех...

В зырянской речи *і* и *е* также „смягчают“ предыдущий согласный, но далеко не всегда; и это справедливо по отношению как чисто-зырянским, так и к „озырянненным“ словам. Примеры см. выше, в гл. II (подробная артикуляционная характеристика основных коми звуков). „Мягкость“ предшествующего звукам *і* и *е* согласного в коми графике обозначается не всегда. (Об общем своеобразном акустическом характере зырянской „мягкости“ согласных—в сравнении ее с русской—скажем несколько ниже).

Что касается утверждения, будто в зырянском языке, в отличие от языка русского, согласный *ј* не обладает способностью „смягчать“ предыдущий согласный,—то оно и грешит безусловной неточностью. Мы уже видели, что в некоторых случаях—примеры см. выше—*ј* именно „смягчает“ (хоть и не столь резко, как в русском языке) предыдущий согласный. Вместе с тем мы подчеркнули, что в исконно-зырянских словах *ј* такого влияния на предшествующий ему согласный звук обычно не оказывает: щыгјалџм (голод) југјавны (блестеть), пышјыны (удирать), гудјыны (копать), рытја (вечерний), гозја (парный), торјџн (отдельно). В качестве параллели к этому мы можем указать в русском языке случаи появления разделительного знака ъ (ера, „твердого знака“,) в середине слов: об’явить, под’яремный, под’ем, об ехать, ад’юнкт, с’юлить, ад’ютант.., Здесь *ј*, входящий в состав **я** (=ja), **ѣ** (=jѣ), **ю** (=ju), **ѳ** (=jѳ), также не „смягчает“ предыдущего согласного. „Смягчение“ же согласных посредством *ј*-та состоит, по справедливому замечанию акад.—лингвиста О. Н. Бетлинга, не просто в соединении согласного с звуком *ј*, а в полном слиянии обоих звуков, так что слышится простой самостоятельный палатальный („мягкий“) согласный звук 1) „Смягчающее“ влияние *ј* на предыдущий согласный было тщательно прослежено в различных языковых семьях еще знаменитым немецким филологом А Шлейхером, и названо им зетацизмом Zetacismus (2).

При всем том **общий** физиологический и акустический характер коми системы речевых звуков, ее **артикуляционной базы** (термин проф. А. И. Томсона), т. е. совокупность общих физиоло-

1) См. Грота, т. II, стр. 71.

2) См. Грота, т. II, стр. 30; т. I, стр. 385.

гических условий и особенностей в артикуляциях говорильного аппарата,—разумеется, не тождественен с характером звуковой системы русского языка, не покрывается последнею, а отличается некоторыми, ему одному присущими особенностями, что и придают ему своеобразный звуковой отпечаток и позволяют сразу определить, что перед нами—отдельный, самостоятельный язык отдельного народа. Такими **специфически-зырянскими** особенностями, на наш взгляд, является 1): 1) наличие характерного звука, обозначаемого буквой **ѳ**, и слышащегося в зырянской речи довольно часто (в избранной нами первой сотне слов с 649 звуками звук **ѳ** встречается 52 раза, что составляет 8% общего количества звуков; во второй сотне слов с 655 звуками звук **ѳ** встречается 59 раз—9%; в третьей сотне слов с 700 звуками звук **ѳ** встречается 54 раза—7,71—. Беря средне-арифметическое, получаем для **ѳ**—8,24%); 2) довольно частая слышимость взрывных слитных (аффрикативных) звуков, обозначаемых буквами **ж**, **з** и **ш**, также весьма характерных для зырянской речи; 3) наличие характерной шепелеватости звуков, обозначаемых буквами **џ** и **џ**, и также придающих зырянской речи своеобразный звуковой нюанс—в ущерб ее музыкальности (в нашей первой сотне слов шепелеватых звуков оказалось: 23 **џ** и ни одного **џ**; во второй сотне—9 **џ** и один **џ**; в третьей сотне—22 **џ** и 2 **џ**. Как видим, шепелеватое **џ** в среднем в зырянской речи слышится гораздо чаще, чем **џ**); 4) более частая, чем в языке русском, слышимость в зырянской речи так наз. **фаукальных** звуков (латин. faux с. fauces зѣв; отсюда прилагательное faucalis; соответствующий термин немецких физиологов—Nasenstosslaute), получающихся при сочетаниях звуков взрывных—губных и переднеязычных (**б**, **п**, **д**, **т**, **ѳ**, **т**) с непосредственно следующими за ними губными же или переднеязычными „носовыми“ сонорами (**м**, **н**, **нь**),—т. е. при сочетаниях **тн**, **дн**, **тн**, **ѳн**, **дн**, **ѳн**, **ѳн**, **пм**, **бм**, **бн**, **пн**, **бн**, **пн**... При изглашении эти звуковые сочетания производят взрыв не в полости рта, а в полости зѣва. Физиологической причиной этого является опущение нѣбной занавески (конечного отростка мягкого неба) и, как естественный результат этого, разобщение полости рта с полостью носа и зѣва, которые остаются сообщенными. Вследствие такой особенности по месту взрыва

1) Отмечаем здесь лишь **важнейшие** из этих особенностей и учитываем не только звуко-произносительную, но и графическую сторону коми речи.

8) в зырянской речи довольно часто встречаются сочетания интересного звукового типа—ссы, т. е. „твердый“ согласный+самостоятельный соответствующий „мягкий“ согласный (возможна и перестановка)+не—„смягчающий“ предыдущего согласного гласный: ассыным, мёссаң, јурјассаң, кодјассаң, гортјассаң, госсавны (сделается жирным), кунны (закрывать), пессыны (стараться), арёссаң... 9) к подобным же интересным звуко сочетаниям, характерным для зырянской речи, нужно отнести соединение согласных **г, д, ж, з, с, о, т, ш, ʒ**, с сравнительным суффиксом—**жык**, т. е. „гжык (щыгжык, огжык, егжык...), джык (сёджык, тенаджык, зырнаджык...), жжык (чоужык, ваужык, пеужык...), зжык (кызжык, мозжык, лёзжык...), сжык (косжык, дорасжык, чорасжык...), сжык (јосжык, пырысжык, пёсжык...), тжык (ічётжык, татжык, сетжык...), шжык (вілышжык дышжык, кокышджык...), ʒжык (сёʒжык, таʒжык, сіʒжык...); сюда же примыкают сочетания **ʒ ʒ** (воʒʒеп...), **ʒ ɣ** (віʒɣыд,—сыс,—лезыны, суʒыны...), **дʒ** (бёрдзыны, гырда—локоть, ёдзыны адзыны...) и **ʒч** (суʒчыны лезчыны...) 1) 10) „Мягкость“ зырянских согласных заметно отличается (по своему физиологическому и акустическому характеру) от „мягкости“ русских согласных; особенно это следует сказать про те согласные, „мягкость“ которых на письме не обозначается (бі, віч, вір, віт, гіжны, кі, міча, пің, пі, мірнő, пілітчыс, рісујтны—рисовать и под.; см выше), но слышится в речи. Вот почему, может быть, правильное и точнее было бы говорить в таких случаях не о „мягкости“ зырянских согласных, а об их „полумягкости“—по крайней мере, в сравнении с „мягкостью“ русских согласных. Известно, что в русском языке, звуки которого изглашаются сильным напряжением мускулов речевых органов, „мягкие“ согласные отличаются большою резкостью, силой и отчетливостью и влияют своим произношением, своей артикуляцией даже на следующие за ними гласные звуки (произносимые в таких случаях обычно с большим усилием). В языке зырянском такой резкости и отчетливости „мягких“ согласных не замечается. Этим и должно об“яснить то, что

1. См. у В. А. Молодцова, „Коми грамматика“..., стр. 15—19. Во всех этих и подобных этим словах имеет место несомненная ассимиляция (уподобление) звуков **т, д, с, ʒ** и др. последующим звукам **з, ж, ч** и др. Ст. б. все эти слова пишутся именно так по морфологическому, а не фонетическому принципу.

в словах, заимствованных из русского языка, зыряне изглашают русские „мягкие“ согласные с неполною „мягкостью“, т. ск., с „полумягкостью“; так, напр., зырянин не произнесет слов: запѣ-таја, памѣтнѣк, Вѣтка, Славѣанскѣй, знамѣ, гѣра и под. точно-точно так, как их произносит русский, ибо ему, зырянину, трудно „выдержать“ полную, резкую, „мягкость“ русских **п, м, в, г,...**, и в его речи эти слова звучат, **почти** как запѣтатѣя, памѣтнѣк, Вѣятка и т. д., т. е. почти с „твердыми“ **п, м, в** и т. д. (Подобные „полумягкие“ звуки—напр. **с** и **з**—диалектически отмечены в украинском наречии.—См., напр., проф. Е. Ф. Будде. *op. cit.*, стр. 114 и 115. Срв. также „полумягкие“ губные и губо-зубные **б, п, в, ф** в литературном русском произношении перед „мягкими“ сонорными и „мягкими“ же переднеязычными зубными **т, д, с, з**: обмен, плен, брить, влеку, врешь, изобрел, все, в землянке, в зелени...)

Физиологическая сущность „мягких“ (палатальных) согласных заключается в том, что при их изглашении передняя (передне-средняя) часть языка поднимается к твердому небу, ртовая полость укорачивается, и углы губ слегка растягиваются, словом, речевые органы и, в частности, язык, как наиболее активный из них, принимают такое артикуляционное положение, с каким произносятся гласные переднего ряда **і** и **е**; таким образом, при произнесении „мягких“ согласных имеет место, т. ск., предвосхищение (предвзятие) согласным артикуляции гласного **і** или **е**: язык, „готовясь“ произносить согласный, как бы забегает вперед и заранее принимает уклад, необходимый для произнесения следующего за согласным гласного **і** или **е** (в лингвистике подобное явление именуется **антиципацией** мускульных ощущений или укладов и считается одним из важнейших психических факторов звуковых изменений в языке—наряду с экономией сил или стремлением к удобству и большей легкости произношения, наряду с явлениями так наз. аналогии, или морфологической ассимиляции-уподобления по форме—термин проф. Н. В. Крушевского—и т. д.). Если при изглашении „мягкого“ согласного уклад речевых органов приближается к укладу их при звуке **і**, то налицо будет так наз. полное „смягчение“ (полная палатализация), если же артикуляция „мягкого“ согласного предвосхищает артикуляцию при звуке **е**, то перед нами будет палатализованный согласный, но с неполным „смягче-

нием". Примеры полного и неполного „смягчения“ зырянских согласных в достаточном количестве приведены выше; здесь мы только отметим и запомним, что даже полная „мягкость“ зырянских согласных **л, ђ, њ, џ, ѣ, ѥ** и др. более слаба и менее резка, менее отчетлива, чем столь широко распространенная „мягкость“ согласных в русском языке.

Таковы **важнейшие** особенности звуковой системы зырянского языка—в сравнении ее с звуковой системой языка русского.

IV ГЛАВА

Вопрос о коми ударе́нии. Значение изучения коми ударе́ния для истории ударе́ния в русском языке. 2 основных вида ударе́ния: динамический и тонический. Ударение с физиологической точки зрения. Вопрос о слогаобразующих звуках. Зависимость фонетической определенности гласных звуков от ударе́ния. Ударение слогов в словах; 3 основных системы его. Общий характер коми ударе́ния и задачи, стоящие перед его исследованием.

В наши первоначальные намерения входило еще освещение вопроса о зырянском ударе́нии (акценте; лат. *accentus*, франц. *accent* нем. *Akzent*) и его природе, а также его влияний на степень отчетливости в произношении гласных звуков.—Дело в том, что вопрос о существе и принципах зырянского ударе́ния слишком недостаточно вырешен,—меж тем разрешение этого вопроса важно не только по отношению к самому зырянскому языку, но и для выяснения природы и источников того языка, из которого зырянам, в силу территориальных, исторических и политических обстоятельств, приходилось и приходится заимствовать больше всего: мы говорим о своем родном, русском языке.

В новейшее время в науку о русском языке внесено предположение, по которому русское экспираторное, или выдыхательное (=эмфатическое, динамическое, основанное преимущественно 1) на

* 1) Говорим: „преимущественно“, т. к., строго говоря, элементы обоих видов ударе́ния—и экспираторного, и музыкального—имеются во всех языках. Такие языки, которые имели бы только экспираторное или только музыкальное ударе́ние, нам неизвестны; а потому, на наш взгляд, можно и должно говорить лишь о большем или меньшем преобладании ударе́ния экспираторного над музыкальным (назовем такое ударе́ние **экспираторно-музыкальным**) или же ударе́ния музыкального над экспираторным (назовем такое ударе́ние **музыкально-экспираторным**). Таким образом, ударе́ние всякого языка по своему характеру—смешанное, основанное и на силе выдыхаемого тока воздуха, и на повышении голосового тона, причем преобладает то первая над вторым, то второе над первой.

силе выдыхания звуков) ударение образовалось из ударения музыкально-экспираторного (музыкальное=тоническое=мелодическое=хроматическое ударение основано **преимущественно** на высоте звука, на повышении голосового тона; этим повышением и выделяется ударяемый слог) под влиянием инородцев,—причем автор этой любопытной научной гипотезы настаивает на том, что много интереснейших данных для выяснения этого должно дать изучение зырянского языка в Олонецком и Вологодском краю 1)...

Но пока в этой области не сделано почти ничего, и кто знает, —когда эта благодарная, хоть и нелегкая задача найдет себе любителя или специалиста?.. Наши наблюдения по этому вопросу пока еще слишком скудны, и мы ограничимся лишь несколькими замечаниями **общего** характера, т. к. чувствуем и знаем, что плох тот физиолог речевых звуков, который ни словом не обмолвится об ударении, его характере и его роли в живом, произносительном языке.

Ударение, обычно определяемое, как повышение или усиление голоса над к. л. слогом в слове, с физиологической стороны характеризуется усилением выговора, выделением „центрального“ (по той или другой причине) слога, т. е. увеличением силы, с какою выталкивается воздух при произношении звуков. Таким выделением слога определяется и смысл слова и его музыкальность. Недаром еще древне-латинский грамматик Диомед (IV в.) называл ударение „душою речи“, а в новейшее время лингвист метко характеризует ударение, как „пульс мысли в массе звуков“...

Напомним здесь кстати, что **слогом**, по наиболее удачному, точному и теперь общепринятому в науке определению проф.-физиолога-лингвиста Э. Сиверса, называется звук или—чаще—сочетание (комплекс) звуков, произносимое **только одним** самостоятельным, непрерывным выдыхательным толчком (напором). А для того, чтобы эти звуки **об'единялись**, слышались, как нечто **единое**, чтобы их сочетание могло быть произнесено **одним** толчком выдыхаемого воздуха, необходимо, чтобы наибольшая выдыхательная сила воздуха сосредоточивалась на **одном** из этих звуков, и чтобы остальные звуки слога примыкали и были подчинены по силе этому сильнейшему (т. наз. **слоговому** или **слогообразующему**) звуку; он должен быть, таким образом „слоговой вершиной“ (нем.

** 1) Срв. проф. Е. Ф. Будде, *op. cit.*, стр. 137, 142 и 170.

silbengipfel), носителем слога, слогового акцента и с тем вместе носителем необходимого в слове звукового единства. (Звуки, при-
мыкающие к слоговому, наз. **неслоговыми**, или **неслогообразую-**
щими).

Обычно **сильнейшим** звуком в слове является наиболее полно-
звучный, т. е. **гласный** звук (далее идут по нисходящей степени
звучности—плавные сонорные **р, л, ъ**, „носовые“ сонорные **м, н, ъ**, звон-
кие фрикативные **в, ж, з, ч, ј**, звонкие взрывные **б, д, ђ, г** и, наконец,
глухие фрикативные, **ш, с, ф**, и глухие взрывные **п, т, ђ, к**.) Легко по-
нять, что сила звука и его сонорность, звучность, „слышимость“
зависят от величины щели для его выхода: чем шире эта щель,
тем звук сильнее. Из гласных звуков сильнейшим является **а**: глас-
ные **е** и **о** сильнее, чем **ѐ, і, у, ы**. Отсюда другое, менее точное
определение слога: слог—это гласный с относящимися к нему сог-
ласными (стало быть, число слогов в слове одинаково с числом
гласных звуков в нем). Это определение менее состоятельно потому,
что в живой, произносительной речи слогообразующими звуками
способны быть и бывают не только гласные, но и, напр., согласные
плавные и „носовые“, как наиболее „полноголосые“, полнозвучные
и наиболее близкие к гласным; в такой роли (в слогах, гл. обр.,
неударяемых) плавные и „носовые“ выступают, напр., в русском
языке, а также в языках: немецком, английском, сербском, чешском,
словацком и др. Срв. **русск.** произносительные: „ты, грт, ходи,
грт, ко мне, грт, почаще“... **ѡм.** „ты, говорит, ходи говорит ко мне, гово-
рит, почаще...“; „что, брт, срезался, бедняга...“ **ѡмт.** „что, брат, срезал-
ся, бедняга“... „Анна Иван-на“ или даже „Ан-нынван-на“ **ѡм.** „Анна
Ивановна“; „гол-да“ **ѡм.** „голода“... **немѡц.** **hав-п, Hand-l ѡм.** **hавеп,**
Handel... **сѡрб.** **врх, црн...**—верх, черный... **чѡш.** **ѡлк, hrdu**—волк,
гордый и т. п. (Знаками **р, л, ѡ, г, ј, ѡ** обозначаются слогообразующие
р, л, ѡ). Как видим, во всех этих примерах гласные теряют свою
обычную слогообразовательную способность, являются неслоговы-
ми; согласные же **р, л, ѡ** делаются слогообразовательными, сло-
говыми, т. е. выступают в роли гласных.

А. С. Сидоров неправильно утверждает, будто „только глас-
ные звуки в слогообразовании играют роль рторазмыкателей, т. е.
слоγοобразователей, а согласные—роль ртосмыкателей“... и напрасно

предлагает „рассматривать различие между гласными и согласными звуками не с т. зр. участия голосовых связок в произношении, а с точки зрения физиологии слога“... 1) Физиология слога-то как раз и говорит против А. С. Сидорова, хотя он на нее и ссылается. Очевидно, А. Сидоров увлекся метким определением (немецкого проф. - лингвиста Ф. Техмера) гласных, как „ртораскрывателей“ (Mundöffner) и согласных, как „ртосмыкателей“ (Mundschliesser); но ведь проф. ф. Техмер, определяя **так** природу и физиологическую сущность гласных и согласных, вовсе не имел в виду их способность или неспособность быть слогообразующими, так что между словами: „ртораскрыватели“ и „слогообразователи“—с одной стороны, и словами: „ртосмыкатели“ и „неслогообразователи“—с другой, нельзя ставить знака равенства, как это делает А. Сидоров. Проф. Ф. Техмер своим кратким и метким определением хотел только подчеркнуть **основную физиологическую разницу** между так наз. гласными и согласными звуками и сделал это бесспорно удачно, т. к. единственно надежным и прочным физиологическим критерием гласных звуков является то, что при их произнесении имеет место свободный, беспрепятственный проход звучащей воздушной струи и сравнительно малое участие речевых органов, находящихся в полости рта; другими словами говоря, гласные образуются то более, то менее открытым ртом (ст. б., с обязательным осаждением нижней челюсти) при минимальном участии языка и губ (в этом смысле гласные вполне могут быть названы „ртораскрывателями“ или открытыми, не-затворными звуками); согласные же звуки произносятся с приближением нижней челюсти к верхней, требуют для своего изглашения большего или меньшего смыкания или сближения (полного затвора или теснины, т. е. неполного затвора) речевых органов; и устранение преграды, образованной последними—необходимое условие для произнесения согласного звука (в этом смысле согласные вполне могут быть названы „ртосмыкателями“ или суженными, затворными звуками),

*** 1) См. его реценз. на книгу В. А. Молодцова: „Коми грамматика.“...— в журн. „Коми му“ 1924 г., № 1—2. стр. 109; срв. возражение В. А. Молодцова в том же журнале за тот же год, № 7—10, стр. 161.—Впрочем, сам В. А. Молодцов повторяет ошибку А. С. Сидорова в своей книге „Некоторые принципы зырянского правописания“, стр. 9,—где отождествляет понятия „слогообразовательные“ и „гласные“, и „неслогообразовательные“ и „согласные“.

Само собой разумеется, что ударяемый гласный звук звучит наиболее ясно, определенно и отчетливо; неударяемые же гласные эту определенность и отчетливость в той или иной степени теряют. Нужно здесь же заметить, что в зырянском языке гласные (кроме, пожалуй, лишь **ö**) не находясь под ударением (стало быть, в слогах предударенных, пред-предударенных и послеударенных) не редуцируются, не так заметно меняют свой первичный звуковой характер и отчетливость, как это имеет место, напр., в литературном русском языке.

Принцип подчинения неударяемых (слабых, низких) гласных в слоге гласному ударяемому (сильному, высокому, произносимому с наибольшей силою, высотой и длительностью) сохраняется и при сочетании слогов в слове. Как в слоге звуки группируются около одного, сильнейшего (слогового, центрального, высокого) и произносятся, т. ск., заодно с ним, так и в слове неударяемые слоги группируются около одного, сильнейшего, ударяемого („слового центра“). — причем как общее правило, можно установить, что наиболее слабым слогом, слогом с наименьшей экспираторной и звуковой силой в слове является тот, что непосредственно следует за ударяемым, а также слог пред-предударенный.

Конечно, **сам по себе** любой слог слова может иметь на себе ударение; но раз это ударение получает — по желанию говорящего — только один, „центральный“ слог, то остальные слоги вынуждены примыкать к нему, и тем самым образуется необходимое ритмическое единство слова; слово становится определенной ритмической единицей: центральный слог, как основной стержень всего слова, как бы „спаивает“ все остальные слоги, и именно на нем, гл. обр., основывается музыкальность слова. В этой единице, строго говоря, нет никаких **естественных** произносительных границ между слогами¹⁾, и потому эти границы определяются или привычными, уже хорошо усвоенными произносительными приемами, или какими-либо психологическими качествами, или просто произволом говорящего.

Со времен знаменитого немецкого лингвиста Ф. Боппа (1791-1867) в науке о языке приняты 3 основных системы ударения слогов в словах: 1) так наз. логическая („смысловая“ система об-

***1). Слова с ф. нетической точки зрения не делимы да и вообще едва-ли делимы — проф. Э. Сиверс (Сн. у акад. Я. Грота, т. II, стр. 127; срв. проф. Е. Будде, стр. 124).

нимает собою те языки, в которых ударение падает преимущественно на корневой слог слова (сюда принадлежат—немецкий язык и все ему родственные: английский, шведский, норвежский, датский, голландский и нек. др.), 2) свободная или подвижная (грамматическая) система ударения характеризует такие языки, в словах которых ударение разноместно, не прикреплено к какому-либо одному, определенному слогу; сюда относятся: санскритский язык, отчасти греческий и латинский язык, русский язык, литовский язык, языки—сербский, итальянский, испанский и нек. др.; 3) наконец, ритмическая система ударения (ее, на наш взгляд можно было бы называть и музыкальной или тональной системой) обнимает собою языки с постоянным ударением на к. л. одном, определенном слоге; сюда относятся, напр., языки—французский, (с ударением на последнем слоге), польский (с ударением на предпоследнем слоге), чешский, словацкий, лужицкий, латышский, мадьярский—угорский—венгерский финский (все ударением на первом слоге и др.

Язык зырянский по типу своего ударения должен быть отнесен, несомненно, к **ритмической** (музыкальной) системе, т. к. ударение в зырянских словах почти всегда падает на первый слог, т. е. является постоянным, одноместным, несвободным. **Общий характер** зырянского ударения мог бы быть более или менее точно назван **музыкально-эспираторным: музыкальным**—потому, что **главным**, преобладающим способом выделения того или другого слога в слове является высота звука, повышение или понижение голосового тона; тональные переходы и переливы (так. наз. музыка речи) играют в нем довольно видную роль и часто даже переносят ударение—никогда, впрочем, не меняя значение слова—с его постоянного места (первого слога) на другое; **эспираторным**—потому, что сила выдыхаемого воздуха в произносимых слогах (ударяемых и неударяемых) далеко не одинакова, и слоги и звуки приходится различать и динамически, т. е. по силе выдыхания (как, напр., и в русском языке, представителе другого, отличающегося по качеству эспираторно-музыкального ударения),

Литературной зырянской речи, культивируемой преимущественно (если не исключительно) зырянской интеллигенцией, свойственно т. н. тяжелое слоговое ударение—с более или менее значительной силой выдыхания (по своему общему характеру оно несколько напоминает русское, преимущественно эспираторное ударение);

но среди исконно-зырянских (т. ск., без всякой подмеси иноземных языковых влияний) народных масс живет именно музыкальное (то-вальное) слоговое ударение, покоящееся на повышении и понижении голосового тона, на различии слоговых звуков по их тону, высоте. Эта высота речевых звуков определяется количеством колебаний голосовых связок в секунду (как общепринятую единицу времени), зависит от длины этих связок, от степени их натянутости, от усиления или ослабления давления воздушного тока на них,—и в основном может быть тройкой: 1) ровной, 2) восходящей (повышающейся), 3) нисходящей (понижающейся).

Нам думается, что для исследования природы и видов ударения в зырянской речи необходимо в дальнейшем: 1) собрать и систематизировать наиболее яркие и любопытные случаи переноса ударения с его постоянного места (первого слога); 2) проследить звуковые переходы и замену гласных в их положении в слогах пред-предударенных, предударенных и послеударенных; 3) попытаться записать нотами тональные нюансы и переливы речевых звуков¹⁾; 4) при посредстве специальных приборов, имеющихся в кабинетах экспериментальной „фонетики“, записать количество и характер колебаний голосовых связок и гортани—как в слогах ударяемых и неударяемых, так и хотя бы в коротких (2-3 слова) фразах.

Вот какие—в числе многих других—благодарные и интересные (хоть и трудные и кропотливые) задачи стоят перед всеми, кто хочет осознать и изучить зырянскую речь со всеми ее свойствами и особенностям; а среди последних на виднейшее место должно быть поставлено именно ударение, как „пульс мысли в массе звуков“: прошупывая и исследуя этот пульс, мы многое поймем и из того, что движет им, т. к. ударение служит одним из орудий языкового мышления, удобным средством для достижения в максимальной степени точности и определенности мысли, для отличия разнообразнейших отношений между предметами и для выражения разных видоизменений (вариаций) мысли.

Прав был немецкий диалектолог—проф. Гольдшмидт, сказавший еще 80 лет тому назад: „Каждая особенность языка“—состоит ли она в необыкновенном выговоре или ударении, открываем ли ее у целого народа или у некоторой части его,—не должна казаться

1) Как это уже сделано, напр., по отношению к русскому языку проф. В. А. Богородицким в его „Общем курсе русской грамматики“.

нам одной **случайной**, смешной **привычкой** или чем-либо подобным; не надобно никогда забывать, что всякая такая особенность языка находится в связи с своеобразною **духовною жизнью** целого народа или части его. **Случайная** особенность, не соответствуя **потребностям духа**, не могла бы распространиться, или, если бы по какой-нибудь моде и сделалась до некоторой степени общею,—все-таки была бы вскоре оставлена, как **неловкая и стеснительная**... ¹⁾

Прав был и русский поэт П. А. Вяземский, сказавший:

„Язык есть исповедь народа:
в нем слышится его природа,
его душа и быт родной...“

1). Der Oldenburger in Sprache und Sprichwort. Oldenburg. 1847.
(Цитиррю по Я. Гроту, op. cit., т. 1 стр. 141.—Курсив мой. Юр. С.).